

РУССКІЙ ГОМЕРЪ

Опытъ о литературной репутаціи

Книги похожи на людей: покровительство часто замѣняетъ имъ заслуги; никогда заслуги не могутъ обойтись безъ покровительства¹.

Жозефъ де Местръ

Трудно найти въ исторіи русской литературы катастрофу столь же масштабную, какъ та, которая постигла славу Хераскова. При жизни и вскорѣ послѣ смерти († 1807 г.) онъ былъ безпрекословно признанъ однимъ изъ крупнѣйшихъ русскихъ поэтовъ; начиная съ 20-хъ годовъ того же столѣтія его начинаютъ считать образцомъ надутости и бездарности, и ни разу съ тѣхъ поръ (можетъ быть, кромѣ послѣднихъ лѣтъ) ему не удастся пережить хоть какой-нибудь всплескъ интереса, что отличаетъ его отъ сопоставимыхъ по масштабу и репутаціи фигуръ — Тредьяковскаго, Сумарокова, Ломоносова, Державина². Поскольку онъ связалъ свою судьбу прежде всего съ крупнымъ жанромъ — эпосомъ, современная культурная ситуація и обозримые перспективы ея развитія не даютъ надеждъ на пробужденіе широкаго читательскаго интереса, хотя бы оффиціальная оцѣнка творчества Хераскова въ негласной табели о рангахъ и повысилась. Независимо отъ того, каковъ истинный масштабъ его поэтическаго вклада (авторъ этихъ строкъ убѣжденъ въ томъ, что Херасковъ — одинъ изъ лучшихъ русскихъ поэтовъ), сама по себѣ исторія этой катастрофы поучительна для изслѣдованія механизмовъ, съ помощью которыхъ создается національный литературный канонъ; въ данной статьѣ нашимъ честолюбіемъ является описаніе дѣйствія данныхъ механизмовъ въ конкретной обстановке конца XVIII — первой половины XX века. Критическимъ рубежомъ для славы Хераскова изслѣдователи считаютъ 1815 годъ; описанія интересующаго насъ процесса, къ которымъ мы обратимся ниже, сосредоточены именно на немъ — съ подробнымъ, насколько это отъ насъ зависѣло, обоснованіемъ возраженій этой точке зрѣнія.

¹ Cinq paradoxes à Madame la marquise de Nav... — Cinquième paradoxe. La réputation des livres ne dépend point de leur mérite. — Lettres et opuscules inédits du comte Joseph de Maistre. Précédés d'une notice biographique par le Comte Rodolphe de Maistre son Fils. Deuxième édition revue et augmentée de nouvelles lettres. Tome second. Paris, Charpentier, Libraire-éditeur. 1853. P. 199.

² Пожалуй, довольно точная параллель — поэтическая репутація Вольтера. Въ недавнемъ изданіи его стихотвореній Гвенаэль Буше пишетъ: «Конечно, литературная критика вынесла формальный вердиктъ и сочла его достаточно обоснованнымъ: антипоэтъ или не-поэтъ, Вольтеръ — поэтъ несуществующій. Между тѣмъ точнѣе было бы сказать „болѣе не существующій“. На самомъ же дѣлѣ — въ полную противоположность этому всеобщему обвиненію — въ глазахъ XVIII вѣка Вольтеръ пользовался прежде всего поэтической славой, и даже славой перваго поэта своей эпохи». Boucher Gwenaëlle. Un poète retrouvé. — Voltaire. Poésies. Sous la direction de Charles Dantzig. Choix, introduction et notes de Gwenaëlle Boucher. Paris, Les Belles Lettres, 2003. P. 8–9. Далѣе Буше цитируетъ Гюстава Лансона: «Вплоть до публикаціи *Вѣтка Людовика XIV* (1751) Вольтеръ для публики прежде всего поэтъ: въ этомъ его неоспоримая слава. Его научныя и философскія предпріятія производятъ впечатлѣніе забавъ, едва ли не дерзостей, по меньшей мѣрѣ — прихотей изящнаго ума, соблазненнаго стремленіемъ къ универсальности. Но ему не отказываютъ въ совершенномъ вкусѣ, въ поэтическомъ и трагическомъ гениі» (P. 9; Lanson Gustave, Voltaire, Paris, Hachette, p. 84).

I. На вершинѣ Парнаса

Изначально репутация Хераскова складывалась чрезвычайно благоприятно. Служебное поприще поэта (место куратора Московского университета), широкая эрудиция, готовность помочь советом молодому дарованию, отсутствие профессиональной зависти к соперникам — все это дѣлало его домъ центромъ литературной жизни первопрестольной столицы. Мѣсто «Русскаго Гомера» упрочила за нимъ поэма, ставшая его визитной карточкой, — «Россіяда», вышедшая первымъ изданіемъ въ 1779 году. Гавріиль Романовичъ Державинъ тогда же въ стихотвореніи «Ключъ» назвалъ ее бессмертной, въ «Академическихъ извѣстіяхъ» Сергѣемъ Герасимовичемъ Домашневымъ была дана такая оцѣнка:

«Съ особливимъ удовольствіемъ, можемъ возвѣстить обществу о сочиненіи долженствующемъ составить славную въ письменахъ нашихъ эпоху; мы хотимъ сказать о героической поемѣ, коей содержаніе есть походы и взятіе *Казани*, такъ, какъ знаменитѣйшее происшествіе въ нашей исторіи. Искусный творецъ оной представилъ тутъ красоты, прежде невѣдомыя. *Поэма сія* есть картина, которая кажется выше силъ одного живописца, ибо въ ней находятся всѣ роды живописанія. Страшное, пріятное, свирѣпое, нѣжное попеременно уловляютъ вниманіе; изображеніе страстей, ихъ противоборствія, отличающія каждую разсужденія и изъясненія. Картины натуры, во всѣхъ видахъ достойно ее начертанныя, даютъ сему сочиненію не только равенство, но верхъ надъ многими извѣстными въ семъ родѣ на другихъ языкахъ сочиненіями»³.

Юлій Ивановичъ фонъ Каницъ, одинъ изъ ведущихъ отечественныхъ педагоговъ второй половины XVIII в., руководитель Казанской гимназіи, въ критическомъ отзывѣ солидаризировался съ этими похвалами: «Ссылаясь на сіе мы съ нашей стороны довольствуемся только сообщить почтенной публикѣ вкратцѣ нами выбранное изъ пѣсенъ ея содержаніе»⁴. Михайль Александровичъ Дмитріевъ свидѣтельствуетъ: «Когда Херасковъ написалъ *Россіаду*, нѣсколько петербургскихъ литераторовъ и любителей литературы собиравались нѣсколько вечеровъ сряду у Н. И. Новикова, чтобы обдумать и написать разборъ поэмы; но не могли: тогда еще было не по силамъ обнять столь большое произведеніе поэзіи! <...> Пусть судятъ по этому, насколько выше былъ Херасковъ тогдашнихъ литераторовъ!»⁵. Многократно переиздававшійся учебникъ архимандрита Аполлоса (Байбакова) рекомендуетъ Хераскова какъ образцоваго эпика: «*Достохвальныи въ семъ Поезіи родѣ предложилъ примѣръ превосходнѣйшій изъ Россійскихъ Стихотворцевъ Писатель, Высокоименный наукъ покровитель МИХАЙЛО МАТВѢВИЧЪ ХЕРАСКОВЪ въ Россіадѣ; въ сочиненіи, исполненномъ знанія, и въ порядкѣ правильномъ достойномъ подражанія...*»⁶.

За Херасковымъ постепенно упрочился титулъ «русскаго Гомера» или «русскаго Вергилія»⁷. Безусловно, мотивъ единства міровой литературы какъ набора устоявшихся

³ 1779, часть I. Мѣсяць Генварь. Сс. 43–44.

⁴ Санктпетербургскій вѣстникъ. 1779, ч. 4, с. 125.

⁵ Мелочи изъ запаса моей памяти. М., въ типографіи В. Готье. 1854. С. 16.

⁶ Правила піитическія, о стихотвореніи россійскомъ и латинскомъ со многими противъ прежняго прибавленіями: Съ приобщеніемъ *Піитико-Историческаго Словаря, въ коемъ содержатся баснословныхъ боговъ, мѣстъ, время, цвѣтовъ, деревъ и проч. имена, съ ихъ краткою Исторіею и нравоученіемъ; также Овидіянскія превращенія, и при концѣ отборные Пуб. Вергилія Марона стихи. Въ пользу юношества, обучающагося Поезіи въ Московскои Славено-Греко-Латинскои Академіи и для всѣхъ Россійскаго Стихотворенія Любителей. Изданіе четвертое. М., Въ Типографіи Компаніи Типографической, 1790. С. 61.*

⁷ Примѣры многочисленны; приводить ихъ не будемъ. Для разнообразія — мнѣніе, которое высказалъ орловскій педагогъ польскаго происхожденія Фердинандъ Францевичъ Орля-Ошменецъ: «Сладкозвучный Россійскій Овидій Херасковъ, съ великимъ искусствомъ и успѣхомъ, воспользовался баснословными вымыслами въ своихъ твореніяхъ, въ коихъ сохранилъ онъ сію степень *пракраснаго*,

жанровъ и прославленныхъ въ нихъ произведеній а, слѣдовательно, состязанія съ древней и новой словесностью любой страны на всѣхъ поприщахъ живѣе въ этихъ опредѣленіяхъ, нежели собственно оцѣнка масштаба творчества, а именно этотъ аспектъ, сильно раздражаясь, преувеличивали читатели XIX в.; но и онъ, несомнѣнно, присутствовалъ. Уже послѣ смерти Хераскова, въ 1812 году, Петръ Васильевичъ Побѣдоносцевъ въ статьѣ «Заслуги Хераскова въ отечественной словесности» писалъ:

«Прейдемъ ли молчаніемъ заслуги, *Россійскимъ Гомеромъ* оказанныя отечественной Словесности, и особенно Поэзіи? оставимъ ли безъ прославленія любимца Музъ, который говорилъ языкомъ вдохновенія, коего произведенія ознаменованы печатію *ума*, образованнаго и зрѣлаго, обильнаго въ изобрѣтеніи, основательнаго въ сужденіи, богатаго въ выраженіи мыслей — *воображенія* плодovitаго въ вымыслахъ, игриваго въ мечтахъ, пылкаго въ представленіяхъ — *чувства* нѣжнаго, плѣнявшагося изящнымъ и совершеннымъ — *вкуса* тонкаго и разборчиваго? Забудемъ ли того Пѣснопѣвца, котораго наставленія, совѣты и примѣръ много содѣйствовали къ образованію способностей въ молодыхъ Стихотворцахъ, доказавшихъ уже зрѣлость своихъ талантовъ? Забудемъ ли знаменитаго Поэта, который поставлялъ славу свою въ прославленіи благоденствующей Россіи, и бывъ уже украшенъ сѣдинами, съ юношескою пылкістю игралъ на златострунной лирѣ своей, привлекая вниманіе многихъ Россійскихъ Монарховъ, заслужилъ отличное благоволеніе каждаго изъ Оныхъ, и двукратно былъ Попечителемъ Московскаго Университета — Попечителемъ, совершенно оправдавшимъ сіе почтеннѣйшее титло?»⁸.

Вѣнокъ Хераскову въ русской поэзіи и количественно, и качественно уступаетъ, пожалуй, только пушкинскому⁹ (издатель его эпическихъ произведеній книготорговецъ

которая производитъ въ насъ сладостное впечатленіе (sic! — А. Л.)» — Образцовые Россійскіе Писатели. — Другъ Россіянъ и ихъ единоплеменниковъ обоего пола, или Орловскій Россійскій журналъ На 1816 годъ, издаваемый Титулярнымъ Совѣтникомъ и Орловской губернской Гимназіи Старшимъ Учителемъ Фердинандомъ Орля-Ошменьцомъ въ Орлѣ. № VI. Декабрь. М., 1817. Въ Университетской типографіи. С. 25.

⁸ Труды Общества Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университете. Часть первая. М., 1812, Въ Университетской Типографіи. С. 118–119. Измѣненія оцѣнки Побѣдоносцева подъ вліяніемъ новой конвенціональности — Соколовъ А. Н. Исторія русской поэмы (XVIII—первая половина XIX вѣка). Диссертация на соисканіе ученой степени доктора филологическихъ наукъ. 1948. Гл. III. Національное своеобразие русской классической эпопеи. С. 127.

⁹ Кромѣ упомянутаго «Ключа», приведемъ слѣдующія стихотворенія: А. А. Ржевскій. Стансъ сочиненъ 1761 года Юля 19 дня по выездѣ изъ деревни г. Х(ераскова). И. Ф. Богданович. Стансъ къ Михаилу Матвѣвичу Хераскову. Собесѣдникъ любителей русскаго слова. 1783, ч. 6, с. 3. П. Г. Кутузов. Въ память безсмертному Хераскову, скончавшемуся Сентября 27 дня 1807 года, отъ искренняго его почитателя. М., 1807. Княжна Катерина Урусова. Къ творцу Кадма. — Чтеніе въ Бесѣдѣ любителей Русскаго слова. Книжка первая. Санктпетербургъ. Въ Медицинской Типографіи. 1811 года. С. 78–81. Е. И. Костров. *Ода на день рожденія его превосходительства, Михаила Матвѣвича Хераскова*. [М. Магницкій]. Диѳирамбъ. — Пріятное и полезное препровожденіе времени. Часть осьмая. Москва, въ Университетской типографіи, у Ридигера и Клаудія. 1795. С. 384–385. Посвященіе въ кн.: И. Е. Срезневскій. Плачь Публія Овидія Назона. Москва, въ Типографіи И. Зеленникова. 1795. С. 5–6. С. Родзянка. Къ портретамъ Ихъ Превосходительствъ, Гг. Кураторовъ Университета, поставленнымъ въ новой Пансіонской залѣ. — Утренняя заря. Труды Воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона. Книжка I. Въ Университетской Типографіи, у Ридигера и Клаудія. 1800. О Херасковѣ на сс. 180–181. П. Политковскій. Стихи къ М. М. Х. — Новости русской литературы на 1803 год. Часть пятая. М., 1803. Въ Университетской типографіи, у Люби, Гарія и Попова. С. 62–64. С. С. Бобровъ. Успокоеніе Россійскаго Марона. — Сѣверный вѣстникъ. 1805. № 7. Юль. С. 109–113. Еще одно стихотвореніе Боброва въ честь Хераскова до насъ, по-видимому, не дошло: на засѣданіи Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ въ СПб. 28 мая 1810 г. было прочитано его стихотвореніе «Вопль музы по кончинѣ нашего Марона Михаила Матвѣвича Хераскова» (найденно въ бумагахъ покойнаго автора и прочитано А. А. Писаревымъ — <http://www.lib.pu.ru/rus/Volsnx/prot/prot10.html>; В. Л. Коровину, новѣйшему издателю поэзіи Боброва, не удалось отыскать его текстъ). Д. И. Хвостовъ. Ода Зима. М. М. Хераскову. — Другъ просвѣщенія, Ч. IV, № 12,

Александръ Сергѣевичъ Ширяевъ предпослалъ тексту поэмъ довольно значительную по объему подборку, разумѣтся, неполную)¹⁰. Слова князя Петра Ивановича Шаликова¹¹ —

Любя Поэзію прелестну,
Мы нектаръ почерпали въ ней,
И сильну власть ея, чудесну
Мы познавали на людей.
Не разъ читая Россіяду,
Позабывали пищу, сонъ...
«Не самъ ли нашу Илиаду
Писалъ богъ пѣсней — Аполлонъ?» —

свидѣтельствуя о томъ, что интересующаяся литературой молодежь воспринимала стихи Хераскова такъ же, какъ иныя, позднѣйшія поколѣнія — Пушкина, Блока и Мандельштама, и считать эти стихи мертворожденными на основаніи собственныхъ впечатлѣній по крайней мѣрѣ поспѣшно¹². Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ поэтовъ рубежа XVIII–XIX вѣковъ, писалъ¹³:

декабрь 1805 г., с. 193. Н. Грамматинъ. Элегія на кончину Михайла Матвѣевича Хераскова, основателя Университетскаго Благороднаго Пансіона, послѣдовавшую сего 1807 года, Сентября 27 дня. — Вѣстникъ Европы, 1807, ч. 35, № 20, с. 277–279. В. Измайловъ. На кончину Михайла Матвѣевича Хераскова. — Вѣстникъ Европы, 1807, ч. 36, № 23, с. 192–193. Г. Р. Державинъ. Надпись къ портрету М. М. Хераскова. — Руской вѣстникъ на 1808 годъ, издаваемый Сергѣемъ Глинкою. Часть вторая. С. 77. П. Шаликовъ. Чувство при извѣстїи о награжденїи, опредѣленномъ Россійскою Академіею за новую Трагедію М. М. Хераскова, по смерти его. — Сочиненія. Часть вторая. Стихи. Москва, въ Университетской типографїи, 1819. С. 198. См. также посвященіе С. Глинки: Сочиненія. Часть вторая. Театръ. Часть I. Сумбека, или Паденіе Казанскаго царства. Трагедія въ пяти дѣйствїяхъ. Москва. Въ Типографїи С. Селивановскаго. 1817. С. 5. Перечень неполонъ; но изъ него видно, что стихи Хераскову и о Херасковѣ писали практически всѣ крупнѣйшіе мастера тогдашней русской поэзіи.

¹⁰ Эпическія творенія М. М. Хераскова. Часть первая. Россіяда. Чесмесскій бой. Москва. Въ Университетской Типографїи. 1820. Книгопродавецъ помѣстилъ замѣтку „Отъ издателя“ (с. V–VI): «Всѣ просвѣщенные народы, уважая память великихъ Писателей своихъ, съ особеннымъ тщаніемъ собираютъ ихъ творенія и издають въ свѣтъ, не щадя иждивенія; — примѣръ ихъ достоинъ соревнованія и похвалы. Желая доставить Любителямъ отечественной Словесности и славы хотя не роскошное, но исправленное изданіе эпическихъ твореній *М. М. Хераскова*, я рѣшился напечатать ихъ въ новомъ видѣ. Кромѣ полнаго собранія всѣхъ сочиненій знаменитаго Поэта нашего, доннынѣ не было у насъ хорошаго изданія Россіяды и Владимира; ибо первыя два изданія въ 1779 и въ 1787 годахъ едва ли соотвѣтствуютъ достоинству сихъ произведеній его Генія, и при всемъ томъ нынѣ сдѣлались очень рѣдки. Для благомыслящихъ Читателей, умѣющихъ цѣнить талантъ *Хераскова*, помѣщено здѣсь краткое описаніе жизни и сочиненій его, и приложено дань усердія извѣстныхъ нашихъ пѣснопѣвцевъ, благоговѣющихъ къ памяти знаменитаго творца Россіяды и Владимира. — Въ разсужденїи текста и порядка принято здѣсь второе изданіе, печатанное въ 1787 году подъ руководствомъ самаго Сочинителя, и заслужившее похвалу отъ знатоковъ; ибо перемѣны и поправки въ 3 изданїи, по сужденію многихъ, ни мало не усовершенствовали его твореній».

¹¹ Къ В* А* К*** (В. А. Колобову — А. Л.; адресатъ раскрытъ въ изд. 1819 года). — Посланія въ стихахъ К. П. Шаликова. М., Въ Типографїи С. Селивановскаго. 1816. С. 82. Ср. тамъ же, с. 3: Херасковъ, Карамзинъ, Державинъ и Петровъ / Изъ рукъ у насъ тогда почти не выходили. / Плѣняясь красотой, талантомъ сихъ творцовъ, / Мы съ ними райское веселье находили. — Къ доктору, другу моему Е* И* А**. С.

¹² Таково же мнѣніе Александра Николаевича Соколова: «Высокая оцѣнка „Россіяды“, засвидѣтельствованная многочисленными прозаическими и стихотворными откликами на эту русскую эпопею, была не только данью трудолюбію ея автора, но и выраженіемъ непосредственнаго воспрїятія», съ прим.: «См., на примѣръ, „Иппокрена“, 1799, ч. 1, стр. 135–142; „Другъ просвѣщенія“, 1805, ч. II, № 4, стр. 33, ч. IV, № 12, стр. 193; „Русскій вѣстникъ“, 1808, № 3, стр. 372, 1808, № 7, стр. 94» — *Op. cit.* С. 127.

¹³ Посланіе къ Н. М. Карамзину. — Аониды, 1797, кн. 2, с. 74, подъ загл. «Къ другу», подпись: ***; изд. 2, подъ загл. «Къ Н—М — К***».

Пускай Херасковъ, мужъ, отъ дѣтства чтимый мной,
То въ миръ фантазіи путь кажетъ за собой,
То къ райскимъ красотамъ на небо восхищаетъ,
То на цвѣтушій брегъ Пеняя провождаетъ
И, даже въ зиму дней умомъ еще цвѣтя,
Манитъ на лирный гласъ крылатое дитя
И съ кротостью влечетъ, нѣжнѣйшихъ чувствъ владѣтель,
Любить поэзію, себя и добродѣтель.

Переложение начала поэмы, принадлежащее перу барона Ивана Ѳедоровича (Иоганна Густава) Беллингсгаузена, имѣющаго намѣреніе знакомить остзейскихъ нѣмцевъ съ русской литературой, предваренъ такой оцѣнкой: «Далѣе слѣдуетъ переводъ вступленія къ превосходному героическому эпосу „Россиада“, чей знаменитый авторъ — его превосходительство тайный совѣтникъ и кавалеръ Херасковъ — еще живъ»¹⁴.

Хераскова знали и за границей: уже въ 1823 году, когда въ отечествѣ велись арьергардные бои, Сень-Моръ включилъ въ знаменитую анѳологію отрывокъ изъ X пѣсни «Россиады» — прощаніе Сумбеки съ Казанью¹⁵; въ предисловіи (Р. XVII) онъ пишетъ: «„Россиада“ <...> — самое замѣчательное произведение этого автора, рѣшившагося воспѣть завоеваніе Казанскаго царства: это значило избрать одинъ изъ важнѣйшихъ успѣховъ русскаго оружія, поскольку онъ навсегда избавилъ ее отъ татарскихъ набѣговъ. Я не буду распространяться о достоинствахъ сей поэмы, чьи красоты поразили меня настолько сильно, что я не смогъ отказать себѣ въ желаніи присовокупить къ *Анѳологіи* поэтической анализъ сего произведенія». Нѣсколько раньше въ Германіи Иоганнъ Рихтеръ въ первомъ выпускѣ своего сборника *Russische Miszellen*¹⁶ въ самомъ началѣ помѣщаетъ переводъ I пѣсни «Россиады», выполненный гекзаметромъ; по его мнѣнію, «Россиада», наряду съ «Владиміромъ», — «гордость русской поэзіи» (S. 3). Съ подчеркнутымъ уваженіемъ къ Хераскову относился лидеръ новаго направленія въ русской литературѣ — Николай Михай-

¹⁴ Journal der älteren und neueren Russischen Litteratur. Herausgegeben von Joh. Gust. Baron von Bellingshausen. Russisch Kaiserl. Hofrath. Erstes Heft. Reval, bey P. G. Bornwasser. Gedruckt bey Joh. Gottf. Minuth. 1802. S. 68.

¹⁵ Anthologie russe, suivie de poésies originales, Dédiée à S. M. l'Empereur de Toutes les Russies; Par P. J. Emile de Saint-Maure, Chevalier de l'Ordre Royal de la Légion d'Honneur, ex-membre du Corpus Législatif, ancien sous-préfet, auteur des satires publiées, en 1818, sous le titre d'Hier et aujourd'hui. Avec six dessins lithographiés. Paris, Chez C. J. Trouvé, Imprimeur-Libraire, rue Neuve-St.-Augustin, № 17. M. DCCC. XXIII. P. 131–136; дальше онъ даетъ обзоръ содержанія и краткую оцѣнку. Впрочемъ, примѣрно тогда же вышеднія анѳологіи — Джона Боуинга на англійскомъ языкѣ (Bowring, John. Россійская Антологія. Specimens of the Russian Poets: translated by J. Bowring, F. L. S. With preliminary remarks and biographical notices. Second edition, with additions. London: Printed for the Author: Sold by R. Hunter, St. Paul's Churchyard; and A. Constable and Co, Edinburgh. 1821) и Карла Фридриха фонъ деръ Борга на нѣмецкомъ (Poetische Erzeugnisse der Russen. Ein Versuch von Karl Friedrich von der Borg. Bd. I, II. Riga und Dorpat 1823, in der Hartmannschen Buchhandlung. Gedruckt bei J. V. Hirschfeld in Leipzig. ¹Dorpat, Gedruckt bei J. C. Schünmann, Universitätsbuchdrucker, 1820) — не включаютъ стиховъ Хераскова. Боуингъ далъ о немъ краткія свѣдѣнія въ предисловіи (Р. XII): «Херасковъ обладаетъ высокимъ рангомъ въ русской лирической поэзіи. Онъ умеръ сравнительно недавно. <...> Онъ напечаталъ сборникъ своихъ стихотвореній подъ заглавіемъ *Бахаріана, или Неизвѣстный*; но его крупнѣйшее произведение — *Россиада, или Разрушеніе Казани*».

¹⁶ Russische Miszellen. Hrsg. von Johann Richter. Leipzig, bey Johann Friedrich Hartknoch. Bd 1. № 1. 1803. S. 5–19, съ прим. S. 19–20, Vorbericht S. 3–4. Подробнѣе см.: Артуръ Лютеръ. Русскіе писатели XVIII–XIX вѣка въ нѣмецкихъ переводахъ. — Временникъ Общества любителей русской книги. Парижъ, 1938. № 4. С. 113–128 (545–560), особенно сс. 118–120 (550–552); именно эта статья послужила для насъ источникомъ информации.

ловичъ Карамзинъ¹⁷; высоко цѣнилъ его таланты и вліятельный Михаилъ Никитичъ Муравьевъ¹⁸. И, казалось бы, ничто не предвѣщало общепризнанному свѣтилу русской поэзіи близкаго заката.

Если сравнить эту ситуацію съ той, которая сложилась уже къ началу сороковых годовъ XIX в., контрастъ получится разительнымъ. О Херасковѣ уже и не спорили; его просто никто не читалъ. Эта ситуація зафиксировалась надолго: читателей «Россіады» во всемъ мірѣ врядъ ли наберется больше нѣсколькихъ десятковъ. Сохранившіяся свидѣтельства позволяютъ прослѣдить процессъ, который настолько радикально уничтожилъ славу поэта, но лишь до определѣнной степени; сужденія передъ нами, а ихъ мотивами могутъ быть соображенія какъ общаго, такъ и частнаго порядка, и если первыя поддаются реконструкціи, о послѣднихъ можно только догадываться. И самъ Херасковъ — если вѣрить воспоминаніямъ Сергѣя Николаевича Глинки — какъ будто предчувствовалъ посмертную судьбу своего творчества. Описание визита къ нему въ запискахъ будущаго издателя «Русскаго вѣстника» проникнуто мрачными тонами¹⁹:

«Декабря 6-го 1806 года я съ моею трагедіей — Сумбекой отправился къ творцу Россіады. <...> Херасковъ такъ радушно принялъ меня, что мнѣ казалось, будто я давно былъ знакомъ съ нимъ. И это правда, знакомство съ писателями — не шарканье свѣтское. Мы знакомы съ ними, не видя ихъ. Сумбека моя посвящена была Хераскову. Прочитавъ посвященіе, Херасковъ сказалъ:

— Вы это сдѣлали изъ челоуѣколюбія. Я отжилъ въ свѣтѣ и для свѣта.

Трудно описать, что я чувствовалъ при видѣ челоуѣка современнаго колыбели новой нашей словесности XVIII вѣка. Мы обѣдали втроемъ: Херасковъ, жена его, Елизавета Васильевна, и я. Хотя Михаилъ Матвѣичъ и сражался подъ знаменами Румянцева при Ларгѣ и подъ Кагуломъ²⁰, но о военныхъ дѣйствіяхъ 1806 года и о Наполеонѣ онъ не говорилъ ни слова. Супруга Хераскова сказала мнѣ:

¹⁷ О его отношеніи къ Хераскову см. въ другой статьѣ сборника, «Ода М. М. Хераскова на восшествіе на престолъ Императора Александра I», сс.

¹⁸ Въ статьѣ «Библіотека и читательскіе дневники М. Н. Муравьева» — (Памятники культуры. Новые открытія. Ежегодникъ. Л., 1981, с. 51) Иванъ Ѳедоровичъ Мартыновъ приписываетъ Михаилу Никитичу отрицательное отношеніе къ «Россіадѣ»: «Первые восторги скоро миновали. Архаичная тяжеловѣсность херасковскаго слога пришлась не по вкусу молодымъ читателямъ. 5 октября 1799 г. въ муравьевской тетради съ многообѣщающимъ заглавіемъ „Успѣхи ученія“ появился подробный разборъ поэмы Хераскова, гдѣ неліцепріятный критикъ тонко подмѣтилъ многіе ея изъяны, хотя и пытался доказать себѣ, что эти „мелочныя примѣчанія...“ не стоятъ „одного прекраснаго стиха“». Оцѣнка, на которую онъ ссылается, въ полномъ видѣ такова: «Читалъ первую пѣснь Россіады. Въ началѣ повѣствованія одушевленной Казани придаются чувствованія любви къ Россіи, которыя кажется она не должна имѣть неотмѣнно или покрайней мѣрѣ онѣ мало сходятся съ описаніемъ, котораго онѣ составляютъ часть. Казань представлена причиняющею нещастія и соболѣзнуюющею объ оныхъ. Народъ Казанскій не имѣлъ причины трогаться бѣдствіемъ Россіи. Сооруженъ непріятельскими руками, сей городъ долженствовалъ внушать ей ужасъ; но нимало чувствовать къ ней сродство. Нельзя сказать, чтобъ Троя страдала о погибели Грековъ, затѣмъ что имъ суждено было ее взять. Сіе мѣлочное (sic! — А. Л.) примѣчаніе, можетъ быть смѣху достойное, стоитъ ли одного прекраснаго стиха, которыхъ такъ много въ семь описаній? / Сіе примѣчаніе опровергается сими стихами / Съ вершины видя горъ убійства и пожары / Гдѣ жили древніе Россійскіе Болгары, / Разженны вѣрою къ закону своему, / Казань.../ Но Низовые Болгары всегда были Магометанскаго закона. / Боря прекрасное описаніе въ войнѣ которой побужденіе Христіанскій законъ, не можетъ быть столь прилично, какъ въ Поемахъ Гомера и Виргилія. Камоенсъ не смотрѣлъ на сіе. У него Ѳетида повѣствуетъ Гамѣ рождество Христово» (Научно-изслѣдовательскій отдѣлъ рукописей РГБ. Ф. 298 (Н. С. Тихонравова). Раздѣлъ IV. К. 1. Ед. 2. Л.). Совершенно очевидно, что Мартыновъ приписываетъ Муравьеву тѣ взгляды, которыхъ онъ нимало не высказывалъ, проецируя на вторую половину XVIII в. конвенціональныя воззрѣнія позднѣйшихъ эпохъ.

¹⁹ Записки Сергѣя Николаевича Глинки. СПб., Изданіе редакціи журнала «Русская старина», 1895. С. 201 слл.

²⁰ На самомъ дѣлѣ въ походѣ участвовалъ братъ Михаила Матвѣевича, генералъ Александръ

— Я принималась писать трагедію — Сумбеку, но дошла только до третьяго дѣйствія, и вамъ довелось кончить начатое мною.

— Не знаю, отвѣчалъ я: ожила ли въ моей Сумбекѣ Сумбека нашего поэта, но я старался вслушаться въ ея голосъ. Въ Россіадѣ онъ не уступаетъ въ выраженіи страстей Тассовой Армидѣ. Вольтеръ говоритъ, что Кино въ оперѣ своей оживилъ Тасса, но я не отважусь сказать этого о моей Сумбекѣ.

— Писалъ и я трагедіи, сказалъ Херасковъ, — но я ими не доволенъ. Не то было бы въ нихъ, если бы лѣтъ двадцать назадъ вышелъ Лагарповъ Лицей. Изучаю его и теперь, да поздно; скоро для меня опустятся и драматическая занавѣсъ, и завѣса общаго нашего міра.

— Для васъ нѣтъ этой завѣсы, — отвѣчалъ я.

— Нѣтъ, — возразилъ онъ, — я вѣрю безсмертію души, но безсмертію писателей не вѣрю».

II. Первые удары

Въ поэтологическихъ воззрѣніяхъ радикальный не менѣе, нежели въ политическихъ, и одинокій въ своей радикальности Александръ Николаевичъ Радищевъ въ тверской главѣ «Путешествія», гдѣ идетъ рѣчь о желательной для него реформѣ русскаго стихосложенія, пишетъ между прочимъ: «Хотя сіи стихотворцы преподали правила и въ другихъ стихосложеніяхъ, а Сумороковъ и во всѣхъ родахъ оставилъ примѣры: но они столь мало-важны, что ни отъ кого подражанія не заслужили. Если бы Ломоносовъ предложилъ Іова или Псалмопѣвца дактилями; или если бы Сумороковъ Семиру или Димитрія написалъ хорейми: то и Херасковъ вздумалъ бы, что можно писать другими стихами кромѣ ямбовъ и болѣе бы приобрѣлъ славы осьмилѣтнимъ своимъ трудомъ, описаніемъ взятія Казани свойственнымъ Эпопеи стихосложеніемъ. Не дивлюсь, что древній треухъ надѣтъ на Виргилія Ломоносовскимъ покроемъ; но я желалъ бы, чтобъ Гомеръ явился между нами не въ ямбахъ, но въ стихахъ подобныхъ его гексаметрамъ; и Костровъ, хотя не Стихотворецъ, а переводчикъ, сдѣлалъ бы эпоху въ нашемъ стихосложеніи, ускоривъ шестіе самой Поэзіи цѣлымъ поколѣніемъ»²¹. Непріязненные нотки здѣсь чувствуются, но единственный упрекъ, адресованный поэту, касается несамостоятельности въ выборѣ размѣра. То, что Херасковъ будетъ потомъ противъ воли вовлеченъ въ споры о должномъ метрѣ для перевода гомеровскихъ эпопей и что Радищевъ предвосхититъ это участіе, заложено въ самой логикѣ вещей и не можетъ вызывать удивленія. Преимущество попытокъ реформы русскаго стиха съ опорой на гекзаметръ, — вопросъ совершенно отдѣльный; онъ чрезвычайно интересенъ, но здѣсь мы затрагивать его не будемъ. Первый личный ударъ Хераскову былъ нанесенъ еще при жизни — въ 1803 году. Рано умершая надежда русской поэзіи, Андрей Ивановичъ Тургеневъ, близкій другъ Жуковскаго, сочинилъ весьма неблагоклонную эпиграмму — пока только о прозаическихъ романахъ²²:

Забытый старичокъ, прославленный пиита,
Кому дорога къ намъ давно уже открыта, <...>

Матвѣевичъ Херасковъ.

²¹ О поврежденіи нравовъ въ Россіи князя М. Щербатова и Путешествіе А. Радищева. Факсимильное изданіе. М., «Наука», 1983. С. 278–279.

²² Поэты начала XIX вѣка. Вступительная статья, подготовка текста и примѣчанія М. Ю. Лотмана. Л., Совѣтскій писатель, 1961. С. 273. Это первая публикація — эпиграмма такъ и не стала при жизни автора и адресата достояніемъ широкой публики. По мнѣнію публикатора и комментатора, Херасковъ въ ту эпоху «исповѣдовалъ устарѣлые художественные принципы и откровенно реакціонные взгляды» (Поэты 1790–1810-хъ годовъ. Вступительная статья и составленіе Ю. М. Лотмана. Подготовка текста М. Г. Альтшуллера. Вступительныя замѣтки, біографическія справки и примѣчанія М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана. Л., 1971, с. 826). Авторъ этихъ строкъ вынужденъ признаться, что смыслъ втораго стиха отъ него ускользаетъ...

Что «Кадма» ты сложишь, прощаетъ Фенелонъ, —

Но если свѣдаетъ о «Полидорѣ» онъ?

По-видимому, молодой Тургеневъ былъ въ своихъ чувствахъ не одинокъ. Сергѣй Тимоѣевичъ Аксаковъ много позднѣ вспоминалъ о разговорѣ съ масономъ Василиемъ Васильевичемъ Рубановскимъ (1808 годъ):

«„Да и за что такое поклоненіе господину Ломоносову? Конечно, есть и у него достойные похвалы стихи, какъ, напримѣръ: „Размышленіе о Божіемъ величіи“ и „Ода къ Іову“; но поэма господина Хераскова „Владимиръ“ содержитъ въ себѣ несравненно болѣе христіанскихъ истинъ, полезныхъ и душеспасительныхъ для человѣка“. Оскорбленный за Ломоносова до глубины души, я имѣлъ неосторожность очень рѣзко высказать свое мнѣніе о Херасковѣ, гдѣ досталось и христіанскимъ истинамъ, такъ пошло и безжизненно вставленнымъ въ поэмѣ Хераскова. Лицо моего хозяина исказилось отъ гнѣва; онъ злобно и съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ: „Теперь я вижу, какія мысли и правила внушены вамъ вашими воспитателями“»²³.

Но эта рѣзкая оцѣнка высказана много позднѣ, первая осталась въ рукописи, а слѣдующихъ пришлось ждать долго — смерть М. М. Хераскова въ 1807 году не привела еще къ паденію его литературной репутаціи, о чемъ свидѣтельствуютъ процитированныя нами слова П. В. Побѣдоносцева. Но уже тогда походъ противъ Хераскова былъ задуманъ. Въ томъ же 1812 году, когда Побѣдоносцевъ разсуждалъ о заслугахъ поэта, самый видный литературный критикъ эпохи — профессоръ Московскаго университета Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ — высказалъ совершенно другую оценку, по формѣ амбивалентную, по существу отрицательную:

«У насъ есть *Россіяда*, *Владимиръ*: двѣ Поэмы, которыхъ содержаніемъ самые важнѣйшія происшествія нашей Исторіи. — Большая часть Рускихъ знаетъ только по имени ту и другую Поэму, между тѣмъ какъ Ганрияду учатъ наизусть; разсказываютъ торжественно содержаніе всѣхъ Волтеровыхъ трагедій, а никто не говоритъ о томъ, въ чемъ состоитъ завязка отечественной Поэмы, какіе главные узлы ея, въ чемъ чудесность, интересъ, какіе въ ней характеры! и — что всего горше! — почитаютъ Тѣнь великаго Мужа оскорбленную, если кто обратитъ на его творенія испытательные взоры!.....

<...> Оживотвореніе страстей, какъ махинъ чудеснаго, всегда будетъ холодно: это фигуры риторическія, а не боги. После Волтера *Херасковъ* старался испытать сей способъ; но онъ вообще недостаточенъ въ томъ и другомъ Писателѣ. — Сверхъ того въ *Россіадѣ* вымышленныя силы не всегда опредѣлены, не всегда дѣйствуютъ по одному плану къ одной цѣли: это призраки, которые являются и исчезаютъ мгновенно, и часто безъ нужды. Характеры почти всѣ однообразны. — Главный узелъ ослабленъ: Казань пала отъ собственныхъ неустройствъ; а темъ самымъ у побѣды Іоанновой отнята надлежащая важность. — Сія Поэма будетъ имѣть всегда свою цѣну по обилію картинъ трогательныхъ, живописныхъ, по стопосложенію гладкому, чистому, благородному, по богатству эпизодовъ, хотя они иногда вредятъ единству дѣйствія; по важности самого содержанія, наконецъ по цѣли Автора нравоучительной и высокой»²⁴.

Впрочемъ, прогрессивная партія тогда эту критическую оцѣнку раздѣляла не единогласно: Дмитрій Васильевичъ Дашковъ въ статьѣ «Нѣчто о журналахъ» пишетъ:

«Ломоносовъ, отецъ Россійскаго стихотворства, первый со славою открылъ намъ поприще Эпопеи. Херасковъ за нимъ послѣдовалъ, и даже превзошелъ его въ своей *Россіадѣ*»; «...вспомнимъ только съ ка-

²³ Встрѣча съ маринистами. — Русская бесѣда, 1859, № 1, книга тринадцатая, с. 38.

²⁴ Разсужденіе о Россійской словесности въ нынѣшнемъ ея состояніи. — Труды Общества Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Часть первая. Москва, 1812, Въ Университетской Типографіи. С. 94–96. Интересно, что много позже оцѣнка будетъ теплѣе: «Почтенный *Херасковъ* даровалъ Россіи, кромѣ другихъ Эпическихъ твореній, двѣ великія Героическія Поэмы: *Россіяду* и *Владимира*, заслуживающія все наше уваженіе и признательность». — Краткое начертаніе теоріи изящной словесности. Въ двухъ частяхъ. Издано профессоромъ А. Мерзляковымъ. М., въ Университетской типографіи, 1822. С. 224.

кимъ искусствомъ, съ какимъ успѣхомъ воспользовался Херасковъ баснословными вымыслами въ своихъ Поэмахъ; и кто изъ читателей не восхищался его казанскимъ лѣсомъ и царствомъ Зимы!»²⁵.

Черезъ три года въ своемъ журналѣ «Амфіонъ» Мерзляковъ дастъ весьма подробный разборъ «Россіяды»²⁶; именно этотъ разборъ — по мнѣнію многихъ современниковъ — окажетъ рѣшающее вліяніе на воспріятіе «Россіяды» въ русской публикѣ. По своей подробности уникальный въ русской критикѣ и затрагивающій всѣ аспекты — композицію, «божественный аппаратъ», языкъ, лѣпку характеровъ, несмотря на комплименты, онъ ставитъ Хераскова далеко ниже сложившейся репутаціи: вездѣ, во всѣхъ областяхъ находитъ онъ нелѣпости и погрѣшности противъ здраваго смысла.

Въ томъ же 1815-мъ году появилась въ свѣтъ не столь подробная, но еще болѣе рѣзкая статья П. Строева «Письма о русской словесности. О Россіядѣ, поэмѣ Г. Хераскова. (Письмо къ дѣвицѣ Д.)»²⁷. Менѣе основательный, разборъ Строева отличался болѣе критичнымъ тономъ и недостаткомъ готовности признавать достоинства поэмы; онъ упрекалъ Хераскова и въ смѣщеніи исторической перспективы — избранный сюжетъ, взятіе Казани, вовсе не имѣетъ такого значенія для Россіи (съ современной точки зренія выборъ сюжета врядъ ли можетъ быть поставленъ автору въ вину), и въ искаженіи реалій (Строеву не нравилось, напр., что въ описаніи ханскаго дворца появляются статуи — у мусульманъ изображенія такого рода запрещены). Эти упреки исходятъ изъ совершенно разныхъ предпосылокъ: первая — изъ традиціонной классицистической поэтики, вторая — изъ новой, романтической, требующей «мѣстнаго колорита», въ то время какъ Херасковъ работалъ въ традиціонно-эпическомъ ключѣ.

III. Читатели Мерзлякова и Строева. Споръ о гексаметрѣ

Старое поколѣніе оцѣнило статью Мерзлякова не единодушно. Уже упомянутый Фердинандъ Францевичъ Орля-Ошменецъ писалъ: «Мерзляковъ украсилъ Россійскую Словесность отборною прозою и прекрасными стихотвореніями, исполненными великаго поэтического духа. — Обозрѣніе Россіяды открываетъ намъ въ высокой степени быстроту его ума, великія свѣденія и разборчивость его вкуса»²⁸. О реакціи Шишкова еще будетъ рѣчь.

²⁵ Санктпетербургскій вѣстникъ, 1812, № 1, с. 7; 10.

²⁶ Россіяда, Поэма Эпическая Гна Хераскова (Письмо къ другу). Амфіонъ, М., 1815, 1, январь. С. 32–98; 2, февраль. С. 36–77; 3, мартъ. С. 94–123; 5, май. С. 81–115, 6, июнь. С. 1–41, 8, августъ. С. 86–115, 9, сентябрь. С. 49–128. Образцомъ для разбора, по-видимому, послужилъ циклъ статей Аддисона о Мильтонѣ, опубликованный въ «Спектаторѣ».

²⁷ Современный наблюдатель россійской словесности. Издаваемый П. Строевым. Часть первая. М., Въ типографіи С. Селивановскаго, 1815. № 1. С. 9–38; № 3. С. 71–82. Во второй части журнала опубликованъ возмущенный отвѣтъ: Письмо къ Издателю. Ч. II, № 17. Подпись на с. 131 — С. К. Захарьевка. С. 124: «Изъ вашего Журнала узналъ, что вы еще молодой студентъ, а изъ другаго Журнала свѣдалъ, что вы недоучившійся». С. 127: «Жертвою вашихъ наблюденій сдѣлался Херасковъ, котораго Стоглавъ Словесности Россійской призналъ и нарекъ великимъ поэтомъ — и чего еще больше? Другой соревнователь Парнасскій, соборомъ Музъ увѣнчанный посвятилъ себя въ Аристархи нашего Гомера и на осьми или десяти листахъ печатныхъ изслѣдывая и, разбирая епопею, приводилъ въ умиленіе читателей и тщился изумить насъ изысканными красотоми, плѣнить геніемъ пѣснопѣвца. А вы, М. Г. вы старались насъ смѣшить рапсодіями — и въ цѣлой поэмѣ не нашли и не показали намъ десяти хорошихъ стиховъ. Не самъ ли Херасковъ сказалъ: *и въ солнцѣ и въ лунѣ есть темныя мѣста?* Послѣ этого критику не слѣдовало бы приниматься за перо, Наблюдателю не вооружать ясныя очи свои уменьшительнымъ стекломъ — — —». «Другой соревнователь», безусловно, Мерзляковъ.

²⁸ Любители Россійской Словесности, умножившіе своими сочиненіями превосходное число

Какъ же была воспринята мерзляковская статья среди литературной молодежи? О впечатлѣннѣи, произведенномъ ею, напр., на юношей, обучавшихся въ Царскомъ Селѣ, можно судить по статьѣ Вильгельма Карловича Кюхельбекера «Взглядъ на нынѣшнее состояніе русской словесности» (1817). Онъ пишетъ: «Нынѣ оставлены мнѣнія столь высокопарныя, столь вредныя успѣхамъ искусства. Наши Виргиліи, наши Цицероны, наши Горациіи исчезли; имена ихъ идутъ рядомъ съ почтенной древностію только въ дурныхъ школьныхъ книгахъ. Наши литераторы уже принимаютъ сторону здоровой критики: г. Мерзляковъ доказалъ первый, что Херасковъ, впрочемъ, весьма почтенный писатель, очень далекъ отъ того, чтобы быть вторымъ Гомеромъ, и что самая лучшая поэма его далека даже отъ Вольтеровой „Генріады“»²⁹. Но Николай Ѳедоровичъ Грамматинъ (1786–1827), выпускникъ столь многими обязаннаго Хераскову университетскаго Благороднаго пансіона въ Москвѣ, старше чуть больше чѣмъ на дѣсять лѣтъ царскосельскаго поколѣнія и на пять лѣтъ моложе соученика по Пансіону Андрея Ивановича Тургенева, въ циклѣ «Надписи къ портретамъ русскихъ писателей»³⁰ возобновляетъ строй мысли извѣстной надписи И. И. Дмитріева:

Пусть стрѣлы критики въ Хераскова летятъ;
Его егидомъ осѣнятъ
Монархи Русскихъ странъ,
Владиміръ, Іоаннъ.

Позднѣе Николай Полевой, видный прогрессивный публицистъ, отмѣчалъ: «Критика Мерзлякова на Россіяду Хераскова, критика Каченовскаго на сочиненія Дмитріева, критика Греча на Грамматику Академіи, критика Воейкова на трагедіи Грузинцева, критика Булгарина на Образцовые сочиненія и на Исторію Г. Р. Карамзина, будутъ достойны всегдашняго вниманія, какъ памятники ума и — отваги, которую оцѣнить безпристрастный наблюдатель»³¹. Объ отрицательной реакціи общества на статью Мерзлякова «Московскій телеграфъ» упоминаетъ въ некрологѣ послѣдняго:

Іюля 26 ч. скончался здѣсь добрый, почтенный *Алексій Ѳедоровичъ Мерзляковъ*, а 29 Іюля предали общей матери тѣло его. <...> Память Мерзлякова навсегда останется для насъ незабвенна; мы учились у него; стихи его восхищали наше дѣтство и юность! <...> Въ Исторіи нашей Литтературы онъ заслужилъ почетное мѣсто. <...> съ 1807 г. оставался онъ постоянно Профессоромъ Поэзіи и Краснорѣчія, въ теченіе 23-хъ лѣтъ. Мерзляковъ былъ поэтъ съ несомнѣннымъ дарованіемъ: его нѣкоторыя оды, пѣсни, стихотворенія, и теперь еще прекрасны, хотя образованіемъ и направленіемъ ученія и поэзіи своей, Мерзляковъ принадлежалъ къ періоду Карамзина, уже прошедшему для насъ, а по теоріи къ періоду Баттѣ, Лагарпа и Эшенбурга.

образцовыхъ Россійскихъ Писателей. — Другъ Россіянь и ихъ единоплеменниковъ обоого пола, или Орловскій Россійскій журналъ На 1816 годъ, издаваемый Титулярнымъ Совѣтникомъ и Орловской губернской Гимназіи Старшимъ Учителемъ Фердинандомъ Орля-Ошменьцомъ въ Орлѣ. № VI. Декабрь. М., 1817. Въ Университетской типографіи. С. 33. (33–37).

²⁹ Путешествіе. Дневникъ. Статьи. Л., «Наука», 1979. С. 434.

³⁰ Стихотворенія Николая Грамматина. Часть первая. Санктпетербургъ, Печатано въ Типографіи Императорской Россійской Академіи, 1829 года. С. 32. Ссылка на Украинскій вѣстникъ, 1818, № 7, с. 103, приведенная въ изданіи: Поэты 1790–1810-хъ годовъ. Вступительная статья и составленіе Ю. М. Лотмана. Подготовка текста М. Г. Альтшуллера. Вступительныя замѣтки, біографическія справки и примѣчанія М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана. Л., 1971, с., 838, является ложной: с. 103–104 июльскаго № журнала (часть XI) содержитъ только три стихотворенія — надписи къ портретамъ Бояна, Михайла Никитича Муравьева и Семена ... Климовскаго (Донскаго Козака), а не 16, какъ циклъ въ сборникѣ, и въ томъ числѣ — отсутствующую въ сборникѣ (надпись къ портрету Муравьева; данный раздѣлъ примѣчаній принадлежитъ Ю. М. Лотману).

³¹ Очерки Русской литтературы. Сочиненіе Николая Полеваго. Часть первая. СПб., 1839. С. XIV.

<...> Въ свое время Мерзляковъ оказывалъ большую дѣятельность: читалъ курсы Словесности, издавалъ Журналъ, переводилъ Освобожденный Иерусалимъ, Одиссею, Греческихъ трагиковъ, Горация, Виргилия, Де-зульеръ; тогда такъ дѣлали, и труды Мерзлякова были весьма важны. Время переходчиво: я еще помню, какъ испугались, когда Мерзляковъ осмѣлился кое-что замѣтить у Озерова, сказать, что Державинъ не пара Ломоносову, и что Россіяда Хераскова — плоха!³²

Впрочемъ, одинъ изъ царскосельцевъ — Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ — отнесся съ ироніей и къ поэту, и къ его критику: «Право, съ радостью согласился бы я двѣнадцать разъ перечитать всѣ 12 пѣсенъ пресловутой Россіады, даже съ присовокупленьемъ къ тому и премудрой критики Мерзлякова, съ тѣмъ только, чтобы графъ Разумовскій сократилъ время моего заточенья»³³. Позднѣе поэтъ сформулировалъ тогдашнее впечатлѣніе уже какъ законмѣрность: «У насъ есть критика, а нѣтъ литературы. Гдѣ же ты это нашель? именно критики у насъ и недостаетъ. Отселъ репутаціи Ломоносова и Хераскова, и если послѣдній упалъ въ общемъ мнѣніи, то вѣрно ужъ не отъ критики Мерзлякова»³⁴. Замѣтимъ въ скобкахъ, что, хотя намъ придется солидаризироваться съ этимъ мнѣніемъ, мы возводимъ его не къ общепризнанной проницательности Пушкина, а къ его личной неприязни къ почтенному профессору риторики: поэту было бы психологически трудно признать его заслуги, и то, что ихъ отрицаніе даетъ фактически вѣрную картину, ускользнувшую отъ вниманія современниковъ и изслѣдователей, можетъ быть результатомъ чистой случайности. Поэтому ссылаться на него какъ на авторитетную поддержку нашей точки зрѣнія мы не можемъ.

На объ статьи обратили вниманіе и представители старшаго поколѣнія — напр., адмиралъ Александръ Семеновичъ Шишковъ, знаменитый ревнитель стараго слога, писалъ:

«На этихъ дняхъ попался мнѣ журналъ, въ которомъ какой-то студентъ судить и бранить безъ милости Хераскова. Вотъ нравы, которымъ научаютъ юношей! вмѣсто чтобы скромными сочиненіями стараться напередъ снискать себѣ имя, онъ съ такою же дерзостію, съ какимъ и невѣжествомъ, ругаетъ мертвого старика, со всѣхъ сторонъ почтеннаго! хочеть показать свой умъ и свои знанія, но вмѣсто сего показываетъ свою глупость, невѣжество и худой нравъ. Признаюсь, что я не могу ничего подобнаго прочесть, безъ крайняго сожалѣнія о худомъ воспитаніи молодыхъ нынѣшнихъ людей. Кажется какъ будто всѣ училища превратились въ школы развратовъ, и кто оттуда ни выдетъ, тотчасъ покажетъ, что онъ совращенъ съ истиннаго пути, и голова у него набита пустотою, а сердце самолюбіемъ, первымъ врагомъ благоразумію»³⁵.

³² Вѣсти изъ Москвы. (Отрывокъ изъ письма къ Д. И. Е.) № 13. Июль. — Московскій Телеграфъ, Часть XXXIV, 1830. С. 136–137. Въ современной росписи (Попкова Н.А. Московскій Телеграфъ, издаваемый Николаемъ Полевымъ. Указатель содержанія. Вып. 2. 1829–1834. Саратовъ, 1990. С. 67) некрологъ приписывается самому Николаю Полевому на основаніи (а) автобіографическаго факта, что авторъ былъ ученикомъ покойнаго: Полевой, хоть и не былъ студентомъ университета, но посѣщалъ некоторыя лекціи, въ т. ч. и Мерзлякова; (б) серія отрывковъ изъ писемъ къ Д. И. Е. печатается изъ номера въ номеръ и мѣстами носитъ программный характеръ (въ частности, появляются и редакціонная антикритика на тѣ выступленія въ др. журналахъ, где придираются къ тѣмъ или инымъ фрагментамъ «Отрывковъ изъ писемъ къ Д. И. Е.»). Полагаемъ, что эта аргументація, хотя и весьма правдоподобная, не является обязательной; потому ограничимся тѣмъ, что текстъ въ любомъ случаѣ отражаетъ позицію Н. А. Полевого.

³³ Письмо къ П. А. Вяземскому отъ 27 марта 1816 г. — ПСС. Т. 8, М., 1954. С. 6.

³⁴ Письмо Бестужеву А. А., конецъ мая — начало іюня 1825 г. Изъ Михайловскаго въ Петербургъ — ПСС въ 10 т. — Л., Наука. Л., отд., 1977–1979. Т. 10. Письма. — 1979. — С. 114–116.

³⁵ Записки, мненія и переписка адмирала А. С. Шишкова. Изданіе Н. Киселева и Ю. Самарина. Т. II. Berlin, 1870. С. 328. СПб. Іюня 18 дня 1815 г. Якову Іевлевичу Бардовскому. Авторъ статьи не названъ — но къ Мерзлякову титулъ недоучившагося студента никакъ не шель, и потому рѣчь, безусловно идетъ о Строевѣ. Объ этомъ прямо пишетъ Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій (см. ниже). Къ такому же выводу приходитъ Владимиръ Яковлевичъ Стоюнинъ въ біографіи Шишкова: «Въ этомъ году мнѣ извѣстны двѣ

Съ опозданіемъ³⁶, но откликнулся онъ и на публикацію Мерзлякова — въ концѣ 1817 года въ 46-й книжкѣ (XXIII часть) «Духа журналовъ» появилась безъ подписи его статья «О переводѣ Классическихъ Стихотворцевъ» (съ помѣтой «Прислано»)³⁷. Давъ весьма дѣльный и рѣзкій разборъ мерзляковскаго перевода «Освобожденнаго Иерусалима», онъ заключаетъ: «Мы не отнимаемъ достоинствъ у переводчика, одареннаго дѣйствительно прекрасными въ стихотвореніи талантами; но въ семъ переводѣ признавать ихъ не можемъ. <...> Послѣ сего трудно повѣрить, чтобъ тотъ, кто въ переводѣ своемъ показалъ себя толь мало чувствующимъ красоты подлинника, могъ критически разобрать и справедливо оцѣнить намъ лучшихъ нашихъ стихотворцевъ, каковы были Ломоносовъ, Сумароковъ и Херасковъ. Безъ сомнѣнія въ нихъ есть недостатки, какъ и во всѣхъ: но есть и достоинства, какія не во всякомъ другомъ бываютъ» (Духъ журналовъ, с. 257–258; ниже — с. 265 — собственная оцѣнка: «Никто Хераскова не называлъ вторымъ Гомеромъ, однакожъ онъ между писателями поэмъ конечно имѣетъ вторую степень, и никто у него этого не отниметъ»). Есть въ его статьѣ и полемическіе выпады противъ вышеупомянутой работы В. К. Кюхельбекера.

Поэзію Хераскова задѣваетъ — пока только косвенно — дискуссія, развернувшаяся вокругъ примѣненія гекзаметра въ переводахъ изъ древнихъ поэтовъ. Начало ея приходится на 1811 годъ, интенсивное развитіе — на 1813³⁸; имя его, однако же, появляется позднѣе. Сергѣй Семеновичъ Уваровъ въ отвѣтѣ Василю Васильевичу Капнисту на письмо его объ экзаметрахъ (Чтенія въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова, ч. XVII, СПб., 1815) вслѣдъ Радищеву сожалѣетъ о томъ, что русскіе поэты — и Херасковъ въ частности — выбирали александрийскій стихъ для эпическихъ опытовъ³⁹; нѣсколько позднѣе геній конвенціональности — Александръ Ѳедоровичъ Воейковъ — въ посланіи къ тому же Уварову писалъ⁴⁰:

Тщетно полезный мужъ Тредьяковскій желалъ въ Телемахѣ
Истинный путь проложить Россійской эпической Музѣ:
Многоученый, онъ не имѣлъ дарованій и вкуса,

критики сочиненій Хераскова: одна Строева <...>, другая — Мерзлякова. Надо полагать, что Шишковъ разумѣлъ первую, какъ наиболѣе рѣзкую». — Историческія сочиненія В. Стоюнина. Часть I. Александръ Семеновичъ Шишковъ. СПб., Типографія А. С. Суворина. 1880. Прим. на с. 272.

³⁶ Вызвано это опозданіе было, по-видимому, тѣмъ, что непосредственнымъ поводомъ послужила замѣтка въ *Conservateur Impartial*, № 77 за 1817 годъ; сужденія размѣщенной тамъ статьи Вильгельма Карловича Кюхельбекера «*Coup d'oeuil sur l'état actuel de la littérature russe*» критикуются подробнѣе, нежели собственно соображенія Мерзлякова.

³⁷ Цензурное разрѣшеніе отъ 12 ноября 1817 г. Статья занимаетъ весь номеръ журнала (сс. 229–272). Перепечатка: Собраніе сочиненій и переводовъ. Адмирала Шишкова Россійской Императорской Академіи Президента и разныхъ ученыхъ обществъ Члена. Часть IV. СПб. Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи. 1825. Сс. 356–394.

³⁸ Подробно см.: Егуновъ А. Н. Гомеръ въ русскихъ переводахъ XVIII–XIX вѣковъ. М., «Индрикъ», 2001. С. Гл. VI, с. 157 слл.

³⁹ Арзамасъ. Сб. въ II кн. М., 1994. Ч. II. Изъ литературнаго наслѣдія Арзамаса. С. 91.

⁴⁰ Посланіе къ С. С. Уварову. — Вѣстникъ Европы, составляемый Михаиломъ Каченовскимъ. Ч. CIV. М. Въ Университетской Типографіи, 1819. № 5. С. 19. Естественно, прижизненная оцѣнка совершенно другая: ср. сатиру 1806 г. *О истинномъ благородствѣ* (цит. по: Собраніе Рускихъ стихотвореній, взятыхъ изъ Сочиненій лучшихъ стихотворцевъ Россійскихъ и изъ многихъ Рускихъ журналовъ, изданное Василиемъ Жуковскимъ. Москва, въ Университетской типографіи. Часть четвертая, 1811. С. 176): Херасковъ нашъ Гомеръ, воспѣвшій древни брани, / Россіи торжество, паденіе Казани.

Нужныхъ вводителю новой системы и новыхъ законовъ.
И Ломоносова геній, увѣнчанный лавромъ побѣды,
Ямбъ освятилъ и заставилъ признать эпическимъ метромъ.
И Херасковъ повлекся за нимъ — слѣпой подражатель.
И отважный Петровъ не посмѣлъ избрѣсть въ Енеидѣ
Новаго больше поемъ приличнаго стопосложенья!

Защита Хераскова оказалась связана въ этомъ контекстѣ съ защитой старыхъ принциповъ перевода. Въ качествѣ примѣра приведемъ статью Василия Ивановича Соца «Нѣчто противъ статьи, подъ названіемъ: Взглядъ на нынѣшнее состояніе Русской словесности»⁴¹, гдѣ главный ударъ по Кюхельбекеру наносится на гомеровскомъ полѣ:

«Удивительно, что наши Петербургскіе журналисты (не говорю о всѣхъ), наполняя изданія свои всякаго рода статьями, даже разговорами о мясѣ, коврижкахъ, пряникахъ и тому подобномъ... не вздумали сказать слова два о напечатанной въ 77 № *Conservateur Impartial* статьѣ, довольно любопытной для охотниковъ до новизны. Стоитъ ли того, чтобъ возражать противъ сего забавнаго ораторства: *наши Virgiliіи, Цицероны, Горациіи исчезли; имена ихъ идутъ рядомъ съ почтенною древностію только въ дурныхъ школьныхъ книгахъ?* Періодъ сей столько же несправедливъ, сколько фальшиво все зеркало, показывающее иностранцамъ состояніе нашей словесности. Не уже ли имена Ломоносова, Хераскова, Петрова, Богдановича, Николаева, Фонъ-Визина, Болтина, Емина и наконецъ Державина обречены на вѣчный покой въ дурныхъ школьныхъ книгахъ? Лира Дмитріева издавала пріятнѣйшіе звуки прежде 19 столѣтія. <...> Такъ проповѣдывать свойственно тому, кто не принималъ на себя труда короче познакомиться съ произведеніями нашихъ поетовъ, напечатанными прежде 31 Декабря 1801 года. До появленія въ свѣтъ Лагарпова Лицея (по которому вѣроятно авторъ судилъ о нашей словесности) Русской языкъ былъ уже обогащенъ многими превосходными твореніями извѣстныхъ нашихъ лириковъ, баснописцевъ и драматическихъ стихотворцевъ. Притомъ и прежде 1801 года стихосложеніе наше не состояло подъ деспотизмомъ ямбовъ: сіе видно изъ того, что всѣ лучшіе Русскіе стихотворцы, не говоря уже о Сумароковѣ, дѣлали опыты почти во всѣхъ метрахъ. Тѣ, къ коимъ Музы были благосклоннѣе, плѣняли читателя и екзаметромъ, и пентаметромъ, и Алкеевымъ и Сафическимъ размѣромъ⁴². Утверждаютъ, что екзаметръ весьма способствуетъ къ выраженію звукоподражательной поэзіи. Согласенъ, ибо въ послѣднемъ примѣрѣ:

И божія стрѣлы ходили

Съ края на край по широкому стану

слышишь какой-то конской топотъ! стрѣлы ходуномъ такъ и ходятъ! Но кто не отдастъ справедливости Кострову за сей истинно счастливый стихъ:

Летятъ, и съ ними смерть во вѣсь шатры летитъ.

Авторъ статьи увѣряетъ, что переводъ Г-а будетъ торжествомъ хорошаго вкуса надъ предубѣждениями. Желательно, чтобъ сіе такъ случилось. Но почто пророчествовать преждевременно? Что будетъ, то будетъ. Дай Богъ, чтобъ *Иліада* его подлинно учинилась достойною эпохою въ нашей словесности и заставила бы забыть о томъ, что *Телемахиды Тредьяковскаго* осуждена составлять эпоху недостойную».

Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ такъ описываетъ ситуацію 1815 года:

«Первый открылъ пальбу на Хераскова — Строевъ въ своемъ журналѣ: Современный наблюдатель (1815). Большая часть пишущей молодежи давно уже не читала Хераскова; старый слогъ и длинная поэма у насъ рѣдко находятъ читателей. Имъ понравилась рѣзкость молодого критика. Кромѣ того у насъ всякій радъ повѣрить смѣлой выходкѣ въ литературѣ. Извѣстно общее изреченіе: „Каково онъ его отдѣлалъ!“. Соб-

⁴¹ Вѣстникъ Европы. Часть ХСѢІ, № 21. Ноябрь 1817. Сс. 193–197, 200–201, за подписью «В. С...ъ. С. Петербургъ». Андрей Николаевичъ Егуновъ съ работъ о Гомерѣ упоминаетъ ее неодобрительно (ор. cit., с. 164–165).

⁴² Николай Львовъ въ Ботаническомъ путешествіи на Дудоровскую гору показалъ, что Русскіе стихи, написанные даже на *Чухонской ладѣ*, могутъ нравиться, если только поетъ имѣетъ дарованіе. <...> Съ перваго взгляду примѣтно, что мы ничего не выигрываемъ отъ приведенныхъ въ примѣръ екзаметровъ, не смотря на то, что Костровъ стѣсняемъ былъ рифмами, и переводилъ въ такое время, когда въ стихахъ терпимы еще были выраженія, нынѣ воспрещаемыя (особенно окончаніе неопредѣленныхъ наклоненій на *ти*). — Прим. В. И. Соца.

ственный судъ требуетъ повѣрки; повѣрка требуетъ труда; а до трудовъ у насъ мало охотниковъ, кромѣ специалистовъ, кромѣ людей, посвятившихъ уже себя или наукѣ, или литературѣ. Тогда и тѣхъ было мало!

Правда, въ то же время (1815) Мерзляковъ въ своемъ Амфіонѣ напечаталъ дѣльный разборъ Россіады. Его разборъ былъ вѣренъ и справедливъ. Онъ показалъ недостатки поэмы, но сохранилъ уваженіе къ поэту и нисколько не унижалъ его произведенія. Мѣрою сужденій Мерзлякова былъ сколько природный вкусъ критика, столько и система тогдашней пѣитики и строгихъ правилъ классицизма, которыхъ онъ держался. Умѣренный тонъ Мерзлякова и дѣльность его замѣчаній были приняты литераторами съ уваженіемъ, и какъ противодѣйствіе выходкамъ Строева; но другіе и въ этихъ замѣчаніяхъ ученаго увидѣли только *критику на Хераскова*, въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно критика принимается толпою, т. е. порицаніемъ Хераскова. И эта смѣлость разбирать достоинства признанной знаменитости, подстрекнула даже и тѣхъ, которые безъ примѣра Мерзлякова не смѣли бы поднять руки на уважаемого *дотоле* поэта и посягнуть на его память»⁴³.

Такова же ретроспективная оцѣнка Ивана Никаноровича Розанова въ его позднѣйшей книгѣ о литературной репутаци; въ силу ея важности мы привѣдемъ ее цѣликомъ, не повторяя потомъ фактовъ, данныхъ въ его изложеніи въ обратной перспективѣ:

«Какъ примѣръ „классика“, который долгое время величался титуломъ „безсмертный“, а потомъ былъ „разъясненъ“ критикой и потерялъ всякій ореолъ, можно привести Хераскова. Если профессоръ Московскаго университета Давыдовъ въ своихъ „Чтеніяхъ о словесности“, вышедшихъ въ годъ смерти Пушкина, дѣлаетъ подробный и придирчивый разборъ „Россіады“ Хераскова, то это звучитъ уже шаблономъ. И Бѣлинскій въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ Хераскову шелъ по проторенной дорогѣ. Раньше его Надеждинъ восклицалъ: „Кто въ „Россіадѣ“ или во „Владимірѣ“ Хераскова видитъ теперь нѣчто большее, чѣмъ достопочтенные памятники неусыпнаго трудолюбія, которое никогда не можетъ замѣнить скудость генія?“⁴⁴ Но и Надеждинъ не обнаружилъ тутъ никакой дерзости въ области разрушенія авторитетовъ. Уже въ учебникѣ Греча 1822 года („Опытъ краткой исторіи Русской литературы“⁴⁵) мы читаемъ про Хераскова, что онъ „принадлежитъ къ числу самыхъ плодovitыхъ писателей, но неумолимое потомство, отдавая справедливость его трудолюбію, познаніямъ, вкусу, не рѣшается дать ему опредѣленно имя Поэта“. Составители учебниковъ и хрестоматій всегда идутъ „по стопамъ“, самъ по себѣ Гречъ никогда не рѣшился бы низвергать авторитеты. Первымъ открылъ „пальбу по Хераскову“ малоизвѣстный критикъ П. Строевъ. Въ малоизвѣстномъ журналѣ „Современный наблюдатель“ въ то же время осмѣлился указать крупные недостатки у Хераскова авторитетный тогда литературный судья, профессоръ Мерзляковъ. Это было въ 1815 году, черезъ восемь лѣтъ послѣ смерти творца „Россіады“, черезъ 36 лѣтъ послѣ появленія поэмы, которая вызвала среди современниковъ „безотчетное удивленіе и похвалы восторга“. И критики, и поэты единогласно пророчили автору поэмы безсмертіе. Это безсмертіе продолжалось для Хераскова восемь лѣтъ»⁴⁶.

⁴³ Тамъ же. С. 17–18.

⁴⁴ О происхожденіи поэзіи, называемой романтической. — Надеждинъ Н. И. Сочиненія въ двухъ томахъ. Подъ общей редакціей З. А. Каменскаго. Издательство Русскаго Христіанскаго гуманитарнаго института. СПб., 2000. Томъ первый. Эстетика. С. 254.

⁴⁵ СПб., 1822. С. 186. — А. Л.

⁴⁶ Розановъ И. Н. Канонизація классиковъ. — Литературныя репутаци. М., «Совѣтскій писатель», 1990. С. 94. Въ текстѣ допущена грубая ошибка: журналъ «Современный наблюдатель» издавался Павломъ Михайловичемъ Строевымъ, статья же Мерзлякова была опубликована въ его журналѣ «Амфіонъ». Эта ошибка встрѣчается и въ первомъ изданіи «Литературныхъ репутаций» (М., Кооперативное издательство писателей «Никитинскіе субботники», 1928, с. 122). Несмотря на то, что мы не можемъ быть признательны И. Н. Розанову за отсутствіе ссылокъ *in opere citato*, его общепризнанная эрудиція не позволяетъ возлагать отвѣтственность за ошибку на него. По-видимому, рѣчь идетъ о недостаткѣ корректуры (слегка измѣнивъ пунктуацию, можно получить вариантъ, который будетъ соответствовать дѣйствительности). Намъ еще придется дважды обращаться къ И. Н. Розанову — одинъ разъ въ связи съ его воззрѣніями на предметъ литературной репутаци въ цѣломъ, другой — въ связи съ Валеріемъ Яковлевичемъ Брюсовымъ. Пока же приведемъ интегральное сужденіе Розанова о Херасковѣ: «Но въ XIX в. <...> прославляли его больше по инерціи, болѣе уважали, чѣмъ любили; передъ его произведеніями болѣе благоговѣйно изумлялись, чѣмъ

Квалифицированный исследователь советской эпохи поддерживает эту позицию:

«Ударъ по „Россiадѣ“ какъ образцовой русской эпопеѣ былъ нанесенъ только въ годы боевыхъ выступлений русскихъ романтиковъ. Это были упоминавшiяся уже статьи Мерзлякова и Строева (1815). Если первый, примѣняя къ „Россiадѣ“ мѣрку классической эпопеи, находить у Хераскова и сильныя и слабыя стороны, то второй, исходя изъ новыхъ эстетическихъ требованiй, признаетъ поэму въ цѣломъ „недостойной тѣхъ громкихъ похвалъ, коими ее до сихъ поръ осыпали“⁴⁷. Дѣйствiе этихъ критическихъ выступлений сказалось очень быстро. Показателенъ слѣдующiй фактъ. За три года до появленiя статей Мерзлякова и Строева П. Побѣдоносцевъ въ „Обществѣ любителей россiйской словесности“ произнесъ рѣчь на тему о заслугахъ Хераскова въ отечественной словесности съ подробнымъ разборомъ „Россiады“, которую авторъ назвалъ «важнѣйшимъ, превосходнѣйшимъ» изъ творенiй „Россiйскаго Гомера“⁴⁸. Переиздавая въ 1819 году свою рѣчь, Побѣдоносцевъ опускаетъ эпитетъ „превосходнѣйшимъ“ и снимаетъ нѣкоторыя другiя оцѣночныя выраженiя первой редакцiи^{49,50}.

Отмѣтимъ отношенiе къ Хераскову крупнѣйшихъ фигуръ переходной эпохи — Константина Николаевича Батюшкова, кн. Петра Андреевича Вяземскаго, Василия Андреевича Жуковскаго. Первый сочиняетъ или по крайней мѣрѣ планируетъ написать стихотворенiе на его смерть⁵¹, въ «Видѣнiи на берегахъ Леты» (1809 г., послѣ смерти Хераскова, но до массивованнаго похода на него русской критики) помѣщаетъ Хераскова среди крупнѣйшихъ поэтовъ прошлаго, ждущихъ въ потустороннемъ мiрѣ своихъ собратьевъ по ремеслу; приложенiе «честь и слава Россовъ», риѣмующееся съ Ломоносовымъ, конфисковано у послѣдняго въ пользу Хераскова; такимъ образомъ, сатирическая поэма свидѣтельствуеетъ о томъ, что авторъ «Россiады» къ тому моменту не утратилъ въ глазахъ Батюшкова своего очарованiя. Въ оффициальномъ выступленiи, единственный разъ, когда Батюшковъ даетъ отзывъ о Херасковѣ, этотъ отзывъ выдержанъ въ духѣ прежней эпохи: «творецъ „Россiады“ посѣщалъ сiи мирныя убѣжища, онъ покровительствовалъ сему разсаднику наукъ; онъ первый ободрялъ возникающiй талантъ и славу писателя соединилъ съ другою славою <...> со славою покровителя наукъ»⁵²; это сдѣлано уже послѣ критической стрѣльбы Мерзлякова и Строева. Но примѣрно тогда же, лѣтомъ 1817 года, онъ даетъ «Россiадѣ» убiйственную характеристику: «Я не знаю скучнѣе и холоднѣе поэмы. Она вяла, утомительна, въ слогѣ видѣнъ и недостатокъ мыслей, чувствъ, и вездѣ какая-то дрожь. А планъ... стыдно и говорить о немъ!»⁵³. Письмо Гнѣдичу съ рѣзкимъ и ироничнымъ отзывомъ («Покойникъ Херасковъ, сей водяной Гомеръ, любилъ давать совѣты молодымъ стихотворцамъ и, прощаясь съ ними, всегда говорилъ, приподнявъ колпакъ: „Чистите, ради Бога, чистите, чистите! Въ этомъ вся и сила. Чистите! О, чистите, какъ можно болѣе

читали ихъ. <...> Херасковъ почетное лицо въ исторiи русской литературы, но это совсѣмъ не поэтъ „Божiею милостью“. Къ нему скорѣе подходитъ титулъ философа и мудреца». — Русская лирика. Отъ поэзiи безличной — къ исповѣди сердца. Историко-литературные очерки. М., 1914, с. 33–34.

⁴⁷ М. П. Строевъ. О Россiадѣ, поэмѣ г. Хераскова (Письмо къ дѣвицѣ Д.) — «Современный наблюдатель россiйской словесности», 1815, ч. 1, стр. 82. (Здѣсь, какъ и въ дальнѣйшемъ въ цитатѣ, прим. А. Н. Соколова — А. Л.)

⁴⁸ «Труды Общества любителей россiйской словесности», ч. 1, М. 1812, стр. 120.

⁴⁹ «Новый Пантеонъ отечественной и иностранной словесности», М. 1819, ч. 1, стр. 117–147.

⁵⁰ А. Н. Соколовъ. *Op. cit.* С. 128–129.

⁵¹ Расписанiе моимъ сочиненiямъ. — Сочиненiя. Т. II, М., «Художественная литература», 1989. С. 28. «Разныя замѣчанiя» писались въ 1810–1811 гг. (*ibid.*, сс. 593–594).

⁵² Рѣчь о влiянiи легкой поэзiи на языкъ, читанная при вступленiи въ Общество любителей россiйской словесности въ Москвѣ 17 iюля 1816. — Батюшковъ К. Н. Сочиненiя въ 3 т. — СПб., П. Н. Батюшков. Т. II. 1885. С. 245.

⁵³ Чужое — мое сокровище. — *Ibid.* С. 312.

чистите, сударь! Чистите, чистите, чистите!“»), датировано 7-мъ ноября 1811 г. (деревня)⁵⁴. Съ одной стороны, двѣ линіи существуютъ параллельно (одна въ официальной сферѣ, другая въ «домашней»), но видно, хотя и съ оговорками, какъ одна конвенціональность смѣняетъ другую. Въ поэзіи и критикѣ П. А. Вяземскаго можно обнаружить ту же закономерность — въ относительно ранней статьѣ (1823 г.) о поэзіи И. И. Дмитріева онъ ставитъ Хераскова высоко: «Знаменитый творецъ Россіады, патріархъ Московской словесности, доживалъ тогда, посреди друзей и почитателей, славу долготѣною и безмятежную. Успѣхи цвѣтушіе и успѣхи расцвѣтающіе искали въ его благосклонномъ добродушіи и одобренія и поощренія»⁵⁵. А знаменитое подраженіе Буало, гдѣ Херасковъ, противопоставленный Державину, играетъ роль несчастнаго Quinault, относится къ лѣту 1819 года. Позднѣйшіе реплики и въ письмахъ⁵⁶, и въ критическихъ статьяхъ, и въ дневниковыхъ записяхъ, недоброжелательны; въ качествѣ примѣра приведемъ знаменитую реплику изъ предисловія 1824 года къ «Бахчисарайскому фонтану»: «...поэзія новѣйшая, такъ-называемая романтическая, не менѣе намъ сродна, чѣмъ поэзія Ломоносова и Хераскова, которую вы силитесь выставить за классическую. Что есть народнаго въ *Петриадѣ* и *Россиады*, кромѣ имени?»⁵⁷. Въ записныхъ книжкахъ оцѣнки отдѣльныхъ мѣстъ изъ «Россиады» (преимущественно негативные) встрѣчаются неоднократно; они важны какъ свидѣтельство того, что оцѣнка Вяземскаго создана на основѣ собственного опыта, а не «съ чужаго голоса». Василий Андреевичъ Жуковскій, мало писавшій критики, выразилъ свое отношеніе косвеннымъ образомъ: въ его антологіи русской поэзіи Хераскова очень мало — намного меньше, чѣмъ Ломоносова и Державина⁵⁸.

Отдѣльная исторія — пушкинское отношеніе къ творчеству Хераскова⁵⁹. Сосѣдство въ статьяхъ и прозѣ съ нелюбимымъ Сумароковымъ (напр., въ статьѣ конца 1833 года, ко-

⁵⁴ Сочиненія въ 3 т. — СПб., П. Н. Батюшковъ. Т. III. 1886. С. 150.

⁵⁵ Извѣстіе о жизни и стихотвореніяхъ Ивана Ивановича Дмитріева. — ПССЪ князя П. А. Вяземскаго. Томъ I. 1810 г. — 1827 г. Изд. Графа С. Д. Шереметева. СПб., Типографія М. М. Стасюлевича, 1878. С. 117–118.

⁵⁶ Напр., в письмѣ къ Александру Николаевичу Тургеневу въ концѣ августа 1819 г. изъ Варшавы: «Какъ прилично названіе Зимняго дворца: все въ немъ холодно, какъ въ царствѣ зимы; все въ немъ вяло, какъ въ описаніи царства зимы Херасковымъ». — Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ. I. Переписка князя П. А. Вяземскаго с А. И. Тургеневым. 1812–1819. Изд. графа С. Д. Шереметева. Под ред. и съ прим. В. И. Саитова. СПб., 1899. С. 299.

⁵⁷ Ibid., с. 169. Подробнѣе объ оцѣнкѣ Вяземскаго — А. Н. Соколовъ. *Op. cit.* С. 129–130.

⁵⁸ Изъ лирики — только «Разлука» (Собраніе Рускихъ стихотвореній, взятыхъ изъ Сочиненій лучшихъ стихотворцевъ Россійскихъ и изъ многихъ Рускихъ журналовъ, изданное Василиемъ Жуковскимъ. Москва, въ Университетской типографіи. Часть вторая, 1810). Изъ «Россиады» Жуковскій включаетъ отрывокъ подъ заглавіемъ *Изображеніе воинства Иоаннова* (Часть пятая, 1811. С. 89–92). Стихотвореніе 1799 года «Его Превосходительству... Михайлу Матвѣевичу Хераскову, на случай полученія имъ ордена св. Анны...» (ПСС. въ 12 тт. подъ редакціей проф. А. С. Архангельскаго, т. 1, СПб., 1902, с. 5), разумѣется, не можетъ служить свидѣтельствомъ той или иной оцѣнки; интересное какъ примѣръ блага стиха съ мистической окраской, оно совершенно безразлично для нашей темы.

⁵⁹ Къ сожалѣнію, въ извѣстномъ трудѣ Ю. В. Стѣнника «Пушкинъ и русская литература XVIII вѣка» (СПб., 1995) больше вниманія удѣлено авторской оцѣнкѣ Хераскова, нежели анализу пушкинскаго отношенія. Отмѣтимъ, что Т. Глаголева въ весьма интересной статьѣ «Отзывы современниковъ и потомства о литературной дѣятельности Ломоносова» приписываетъ Пушкину гибель поэтической репутаціи своего героя: «Пушкинъ произнесъ рѣшительный приговоръ; всѣ дальнѣйшія сужденія находятся въ значительной степени подъ его давленіемъ. Слава Ломоносова-поэта отцвѣла; зато изъ глубины прошедшаго колоссальной, гигантской фигурой вырастаетъ его личность». — 1711–1911. М. В. Ломоносовъ. Сборникъ

торая имѣеть условное заглавіе въ публикаціяхъ съ 1933 г. «Путешествіе изъ Москвы въ Петербургъ»), казалось бы, не оставяетъ сомнѣній на этотъ счетъ. Однако въ поздніе годы, возможно, намѣтился переломъ: два херасковскихъ эпитафій въ «Капитанской дочкѣ» и появленіе имени Хераскова въ иномъ, болѣе благопріятномъ контекстѣ, съ признаніемъ его заслугъ въ усовершенствованіи языка (онѣ отмѣчены въ статьѣ 1836 г. «Александръ Радищевъ», гдѣ Херасковъ сосѣдствуетъ не съ Сумароковымъ, а съ Ломоносовымъ, Державинымъ и Косторовымъ), по-видимому, намѣчаютъ нѣкоторый — осторожный — пересмотръ устоявшейся точки зрѣнія. Впрочемъ, о Херасковѣ — въ отличіе отъ Державина — окончательнаго сужденія Пушкинъ не высказалъ. Не даетъ матеріаловъ и его библіотека — труды Хераскова представлены поздними изданіями безъ помѣтъ⁶⁰.

Отмѣтимъ, что и видный декабристскій критикъ — Александръ Александровичъ Бестужевъ — даетъ нашему поэту характеристику, далекую отъ безудержнаго поношенія:

«Херасковъ, Стихотворецъ эпическій, по своему времени, писалъ плавными стихами, хотя кудряво и пространно. Многіе отрывки изъ Поэмъ *Владимира* и *Россіяды* картинны, великолѣпны, изобилуютъ мѣстностями; изъ *Искателей счастья* обрисованы съ пріятнымъ разнообразіемъ. Никто изъ Русскихъ Писателей не произвелъ болѣе Хераскова во всѣхъ родахъ. Жаль только, что ему недоставало краткости и оригинальности»⁶¹.

Ту же переходную ступень представляетъ собой оцѣнка, данная крупнымъ эллинистомъ и переводчикомъ Иваномъ Ивановичемъ Мартыновымъ: «Вотъ Херасковъ, не безъ успѣха покушавшійся быть Россійскимъ Омиромъ, Фенелономъ и Расиномъ. Если таланты его были ниже сферы какого рода Поэзіи: то благородной, нравственной цѣли Муза его никогда не оставяла»⁶². Провинція, какъ это обычно бываетъ, оказывается еще болѣе консервативной:

«Херасковъ также писалъ Оды, хотя не въ такомъ возвышенномъ тонѣ <какъ Державинъ>, но за то отличающіяся плавностію и связнымъ ходомъ мыслей. Ему предоставлено прославиться болѣе въ родѣ Эпическомъ, и еще, если не ошибаюсь, въ прозѣ. Его Россіяда, плодъ шестилѣтнихъ трудовъ, хотя не можетъ стать на ряду съ *Иліадою*, *Енеидою* и съ нѣкоторыми первоклассными Поэтами просвѣщенныхъ народовъ: по крайней мѣрѣ, твореніе сіе имѣетъ неотъемлемыя достоинства, и поставитъ Автора между лучшими Эпическими Стихотворцами. У него едвали можно сыскать хотя подобное, какъ у Мильтона превозносимаго похвалами, гдѣ Ангелы имѣютъ артиллерію и сражаются пушками!!!»⁶³.

Въ описаніяхъ Дмитріева и во многомъ солидарнаго съ нимъ Розанова есть опредѣленное смѣщеніе перспективы. Какъ видно уже по структурѣ «Амфіона», громадная, болѣе чѣмъ въ 60 страницъ часть мерзляковского разбора была опубликована въ январѣ и никакъ не могла быть отвѣтомъ на выпады Строева. Болѣе того: какъ мы видели,

статей подъ ред. В. В. Сиповскаго. СПб., 1911. С. 179.

⁶⁰ Модзалевскій Б. Л. Каталогъ библіотеки <А. С. Пушкина>. — Пушкинъ и его современники: Матеріалы и изслѣдованія. — Комиссія для изданія сочиненій Пушкина при Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ. — СПб., 1910. — Вып. 9/10. С. 112.

⁶¹ Взглядъ на старую и новую Словесность въ Россіи. — Полярная звѣзда. Карманная книжка для любителей и любителей Руской Словесности на 1823 годъ, изданная А. Бестужевымъ и К. Рылѣвымъ. Сс. 10–11.

⁶² Разсужденіе о качествахъ писателю потребныхъ. Читано въ торжественномъ годичномъ Собраніи Россійской Академіи 5-го Февраля 1821, Членомъ оныя Г. Дѣйствитель: Стать: Совѣтникомъ и Кавалеромъ И. И. Мартыновымъ. СПб., Въ типографіи ИМПЕРАТОРСКОЙ Россійской Академіи. 1822. С. 7.

⁶³ Сочиненія и переводы студентовъ Императорскаго Харьковскаго Университета, читанныя 1820 года Юня 30 числа по окончаніи экзаменовъ ихъ. Въ Харьковѣ, Въ Университетской Типографіи, 1820 года. II. Краткое обозрѣніе начала, постепеннаго возвышенія и успѣховъ Россійской Словесности. *Студента Александра Попова*. С. 30–31. За такими сужденіями чувствуется твердая преподавательская рука.

мерзляковскій походъ противъ Хераскова замышлялся давно — преемственность идей по отношенію къ статьѣ 1812 года очевидна. Но на Мерзляковѣ и его статьѣ стоитъ остано- виться подробнѣе въ другомъ отношеніи — какова ея истинная роль въ событіяхъ.

Прежде всего — если паденіе репутаціи Хераскова связано съ выступленіемъ Мерз- лякова, то нужно признать, что это единственная удачная атака за всю его жизнь. Хера- сковъ не былъ единственнымъ, чью репутацію Мерзляковъ стремился подорвать. Среди его потенциальныхъ жертвъ — А. С. Пушкинъ (вспомнимъ свидѣтельство Бѣлинскаго: «Мы сами слышали однажды, какъ глава классическихъ критиковъ, почтенный, умный и даровитый Мерзляковъ, сказалъ съ каеэдры: „Пушкинъ пишетъ хорошо, но, Бога ради, не называйте его сочиненій поэмами!“»⁶⁴). Пытался онъ подорвать съ каеэдры, какъ свидѣтельствуемъ Михаилъ Петровичъ Погодинъ, и репутацію Жуковского, въ критиче- скомъ отзывѣ о «Шильонскомъ узникѣ»:

«Что это за лице рассказываетъ о своемъ положеніи! Какихъ слушателей у него должны мы себѣ представить? Почему предполагаетъ онъ ихъ участіе? Что за странность рассказывать безъ всякаго вступленія или предупрежденія? Что за выраженіе: тюрьма разрушила? Какъ она разрушила, если онъ еще можетъ говорить: разрушить можно зданіе, но челоѣкъ разрушенъ быть не можетъ. Вотъ эти модные по- эты! Не спрашивайте у нихъ логики! Они пренебрегаютъ языкомъ»⁶⁵.

Ни то, ни другое не удалось; равнымъ образомъ скандаломъ обратилась извѣстная попытка скомпрометировать гекзаметрическую поэзію въ глазахъ публики⁶⁶. Болѣе того — весьма слабо позаботился Мерзляковъ и о собственной литературной репутаціи; какъ по- эта его еще помнить (можетъ быть, больше, чѣмъ онъ того заслуживаетъ), но какъ разъ его критическое наслѣдіе — весьма интересное — забыто основательно. Если учесть эти факторы, побѣда надъ Херасковымъ предстанетъ какъ единственный успѣхъ въ серіи громкихъ проваловъ, — успѣхъ, самъ по себѣ вызывающій сомнѣнія и подозрѣнія. (О Строевѣ и говорить нечего — вліяніе будущаго отца русской палеографіи на тогдашнюю литературную ситуацію смѣло можетъ быть признано ничтожнымъ.) Мерзляковскія разсужденія и подходы прошли для русской публики безслѣдно; сложная структура его критическаго опуса ея большинству — полагаемъ — не говорила бы ничего уже въ силу недоступности, даже если бы «Амфіонъ» былъ популярнымъ журналомъ; все, что могли извлечь и извлекли читатели изъ многостраничнаго труда, — авторитетная санкція того впечатлѣнія, которое у нихъ сложилось независимо отъ Мерзлякова. Подъ вліяніемъ его статьи литературная молодежь въ большинствѣ сочла ничтожество «Россіады» фактомъ *доказаннымъ*. Въ арзамасскомъ поколѣніи, какъ и въ поколѣніи Степана Петровича Ше- вырева и Михаила Петровича Погодина, къ ней больше почти уже и не обращались какъ къ *поэтическому* произведенію.

⁶⁴ Сочиненія Александра Пушкина. Статья четвертая.

⁶⁵ Автобіографія Погодина въ кн.: Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго университета за истекающее столѣтіе, со дня учрежденія января 12-го 1755 года, по день столѣтняго юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоровъ и преподавателей, занимавшихъ каеэдры въ 1854 году, и расположенный по азбучному порядку. Москва, въ Университетской типографіи, 1855. Т. II. С. 236.

⁶⁶ Интересно, что Сергѣй Семеновичъ Уваровъ въ томъ же 1815 году критиковалъ выборъ александрійскаго стиха для эпопеи, какъ оригинальной, такъ и переводной, упоминая въ числѣ прочихъ и Хераскова, — «Отвѣтъ В. В. Капнисту на письмо его объ экзаменахъ», см. Чтенія въ Бесѣдѣ ч. XVII, СПб., 1815, с.

IV. Братья Полевые

Воинствующій романтизмъ въ лицѣ своихъ ведущихъ критиковъ — братьевъ Николая и Ксенофонта Алексѣевичей Полевыхъ — отнесся къ Хераскову съ неумолимой суровостью. Литературное ихъ образованіе было вполнѣ традиціоннымъ: старшій братъ вспоминаетъ о немъ такъ:

«Я почти не помню себя не грамотнымъ, потому, что лѣтъ шести былъ я, когда старшая сестра выучила меня читать, и лѣтъ восьми я уже читалъ въ слухъ — матери моей романы, отцу уже библію и Московскія вѣдомости, а девяти лѣтъ перечиталъ уже все, что было въ шкафѣ у отца моего: Всемирный Путешественникъ, Разговоръ о Всеобщей Исторіи, Боссюэта, о множествѣ міровъ Фонтенеля, путешествія Ансона Кука, Дѣянія и Дополненія къ Дѣяніямъ Петра Великаго, нѣсколько разрозненныхъ томовъ сочиненій Сумарокова, Ломоносова, Карамзина, Хераскова, театра Коцебу и проч. ...мы вмѣстѣ <съ отцомъ> бранили Наполеона, дѣлили Европу, ждали съ нетерпѣніемъ почты, которая привозила новости о нашихъ побѣдахъ, о Тильзитѣ, объ Эрфуртѣ, о Вѣнѣ; я наизусть выучивалъ статьи изъ Русскаго Вѣстника, вмѣстѣ съ Россіядой Хераскова, стихами изъ Моихъ Бездѣлокъ, Карамзина, притчами Сумарокова, „Мыслями вслухъ на Красномъ крыльцѣ“»⁶⁷.

По-видимому, въ дѣтствѣ творчество Хераскова, пока братья не знали, насколько оно плохо, не вызывало у нихъ отторженія. Значитъ, кто-то долженъ былъ это объяснить. Мерзляковъ и Строевъ? Но на ихъ статьи вниманіе было обращено именно потому, что ихъ тезисы соотвѣтствовали новѣйшимъ воззрѣніямъ, — скорѣе даже, ощущеніямъ — просвѣщенной публики и санкціонировали ихъ авторитетомъ печатнаго слова. Полевые — самоучки, жадные до новыхъ и прогрессивныхъ идей вѣка; психологически болѣе вѣроятнo, что они измѣнили отношеніе къ Хераскову, не возвращаясь къ его творчеству, нежели что они пересмотрѣли его самостоятельно. Всѣ критическіе отзывы — мы приводимъ лишь немногіе — въ рамкахъ новой конвенціональности конца двадцатыхъ — тридцатыхъ годовъ: «Хераскова не называли ли *Омиромъ*? И гдѣ *нашъ Расинъ*, *нашъ Омиръ*?»⁶⁸; Мерзляковъ обличилъ «громадную пустоту» Хераскова⁶⁹; «Не говоримъ о Сумароковыхъ, Херасковыхъ, Петровыхъ, Княжнинныхъ, которые не писали-бы, если-бы не читали написаннаго прежде ихъ другими»⁷⁰; «Теперь только оцѣняемъ мы вполнѣ величіе Державина, опредѣляемъ заслугу Карамзина, отдаемъ честь забытому Хемницеру, видимъ великія достоинства Крылова, чувствуемъ силу генія Ломоносова, когда громады томовъ Сумарокова и Хераскова остаются у насъ только для литературныхъ справокъ о томъ періодѣ литературной исторіи, въ которомъ они оба жили, который такъ хорошо выра-

⁶⁷ Очерки Русской литературы. Сочиненіе Николая Полеваго. Часть первая. 1839. Санктпетербургъ. Нѣсколько словъ предварительно. Сс. XXX—XXXI.

⁶⁸ Poezye Adama Mickiewicza (Стихотворенія Адама Мицкевича). 2 части. Новое, дополненное изданіе. СПб., 1829 г. въ т. Крайя, in 16, XXXIV, 284 и 300 стр. — Московскій Телеграфъ. 1829. Ч. XXVI. № 6. С. 19ъ. — Статья опубликована безъ подписи. Мы используемъ для атрибуціи позднѣйшее изданіе — Н. А. Полевой. К. А. Полевой. Литературная критика. Статьи и рецензіи. 1825–1842. Л., 1990. Тѣ случаи, когда имя Хераскова появляется въ ряду другихъ осуждаемыхъ фигуръ XVIII в. безъ индивидуальной характеристики или эта характеристика касается только одного какого-либо произведенія, мы опускаемъ.

⁶⁹ Песни и романсы А. Мерзлякова. М., 1830 г., въ т. С. Селивановскаго, VI и 110 стр. — Московскій Телеграфъ. 1831. Ч. XXXVII. № 3. С. 38ъ.

⁷⁰ Сочиненія Державина. 4 тома. СПб. 1831 года, въ т. Смирдина, in 8, VIII, 342, 362, 230 и 308 стр., съ портретами и виньетами. — Очерки Русской литературы. Сочиненіе Николая Полеваго. Часть первая. 1839. Санктпетербургъ. С. 37.

жали они своими твореніями...»⁷¹. Ксенофонтъ не отстаеъ отъ брата: «Не только современныя славы Сумарокова, Делиля, Хераскова и подобныхъ имъ, но вѣковыя славы разрушились въ наше время. Не только слава частныхъ лицъ, но слава цѣлыхъ литературъ пала и слава другихъ возстала въ прочной, безсмертной силѣ»⁷²; «„Чистите, выправляйте, полируйте стихи!“ — восклицалъ Буало. „Чистите, выправляйте!“ — повторялъ хоръ бездарныхъ стихотворцевъ, отъ береговъ Сѣны до Волги, отъ исполненнаго дарованій Вольтера до нашего пустозвоннаго Хераскова»⁷³. Насмѣшливо изображаетъ онъ Хераскова и въ романѣ, посвященномъ жизни Ломоносова:

«„А вы, Михайло Васильевичъ — спросилъ Херасковъ — неужели не изволите находить дарованія въ трагедіяхъ Г. Сумарокова?“

Ломоносовъ принужденно улынулся и отвѣчалъ:

„Правду сказать: удивляюсь, какъ и находить въ нихъ что-нибудь!“

— Но, позвольте замѣтить, что онѣ написаны точно по плану Г-на Расина, Г-на Корнеля и другихъ знаменитыхъ трагиковъ.

„Поздравляю съ этимъ Г-на Сумарокова; но для меня онъ что-то не похожъ ни на кого, кромѣ своего друга Тредьяковскаго“.

— А Г. Тредьяковскій, какъ по вашему мнѣнію?

„Дуракъ!“ <...> Ломоносовъ улынулся, и проводивши своего пріятеля возобновилъ разговоръ о стихотворствѣ. Онъ былъ неумолимъ къ Сумарокову и Тредьяковскому. Молодой Херасковъ не вѣрилъ ушамъ своимъ: онъ всегда находилъ удивительныя красоты въ обоихъ этихъ стихотворцахъ, и удивленіе его было одинаково и къ нимъ, и къ тому у кого сидѣлъ онъ въ гостяхъ. Онъ затѣмъ и явился, чтобы посмотреть на Ломоносова какъ на дивное диво, вышедши на улицу, вмѣстѣ съ Поповскимъ, сказалъ:

— Видно, что Г. Ломоносовъ не любитъ ни Г-на Сумарокова, ни Г-на Тредьяковскаго! А я почелъ бы за счастье писать какъ они.

Въ этихъ словахъ двадцати-лѣтняго юноши вполне выразился будущій творецъ *Владимира, Россіяды*, и дюжины томовъ другихъ усыпительныхъ сочиненій»⁷⁴.

Для обоихъ братьевъ споръ о достоинствахъ Хераскова рѣшенъ — вопросъ даже не обсуждается. Никакого развитія идей — которое было у поколѣнія Вяземскаго и Батюшкова и которое, хотя и въ зачаточномъ видѣ, позднѣе обнаружится у Бѣлинскаго, — мы также не видимъ. Херасковъ — всего лишь одна изъ жертвъ, и даже не самая значимая, крушенія прежняго порядка вещей и прежней табели о рангахъ; но, повторяемъ, въ этихъ сужденіяхъ нѣтъ ничего, кромѣ новой конвенціональности, и индивидуализація сужденія почти отсутствуетъ. Учитывая сравнительно незначительное мѣсто, которое было отведено Хераскову въ публицистикѣ братьевъ Полевыхъ (въ отличіе, напр., отъ Карамзина), даже ихъ роль въ паденіи его славы нельзя признать не только рѣшающей, но и важной. Георгій Андреевичъ Давыдовъ въ статьѣ «Наслѣдіе М. М. Хераскова въ оцѣнкѣ Н. А. По-

⁷¹ И мои бездѣлки. Съ эпиграфомъ: *C'est là tout mon talent, je ne sais s'il suffit. Lafontaine*. Москва, въ Унив. Тип. 1795 г. въ 16, IV и 259 стр. Сочиненія И. И. Дмитріева. Съ эпиграфомъ: *Il veut le souvenir de ceux qu'il a chéris*. Три части. Изданіе пятое. М. въ тип. Селив., 1818 г. въ 8, 120, 143, 126 стр. Стихотворенія И. И. Дмитріева. Изданіе шестое, исправленное и уменьшенное. Двѣ части. СПб. въ тип. Н. Греча, 1823 г. въ 8, ЛП, 155 и 151 стр. Басни и апологи И. И. Дмитріева. СПб. въ Военн. тип., 1838 г. въ 32, VI и 178 стр. — Очерки Русской литературы. Сочиненіе Николая Полеваго. Часть вторая. 1839. Санктпетербургъ. С. 482.

⁷² Полтава, поэма Александра Пушкина. СПб., 1829 г. — Московскій Телеграфъ. 1829. Ч. XXVII. № 10. С. 21ъ.

⁷³ Душенька, древняя повѣсть въ вольныхъ стихахъ. Сочиненіе Ипполита Федоровича Богдановича. Изданіе десятое, печатанное съ изданія 1824 года, безъ исправленій. М. Въ т. Лазаревыхъ Института восточ. языковъ. 1832. 118 стр. in 12. — Московскій Телеграфъ. 1832. Ч. XLIV. № 7 или 8. С. 21ъ.

⁷⁴ Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Сочиненіе Ксенофонта Полеваго. Томъ II. Москва, въ типографіи Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургической Академіи. 1836. С. 213–215.

леваго»⁷⁵ упрекаетъ критика въ первую очередь въ томъ, что онъ сосредоточился на наиболѣе извѣстныхъ произведеніяхъ поэта и не учелъ ни его раннихъ исканій (отъ себя добавимъ, что всѣ эти публикации были уже тогда библиографической рѣдкостью), ни — въ частности — позднѣйшей «Бахаріаны». Завершаетъ онъ статью такими словами: «Полевому предстояло камня на камнѣ не оставить отъ любимца и гордости старшаго поколѣнія». Намъ остается только выразить несогласіе съ этой мыслью.

Переоцѣнка на родинѣ сказалась и на воззрѣніяхъ иностранцевъ: Адрианъ Бальби во введеніи къ этнографическому атласу пишетъ: «Херасковъ осмѣлился вступить на дорогу, на коей заблудился Ломоносовъ. Этотъ трудолюбивый авторъ въ теченіе своей долгой жизни (1733–1807) опубликовалъ нѣсколько поэмъ, изъ которыхъ мы назовемъ здѣсь только двѣ, „Россіаду“ въ 12 и „Владимира“ въ 18 пѣсняхъ. <...> Эти двѣ поэмы превозносились современниками, ихъ сравнивали съ лучшими произведеніями, какія только древніе создали въ жанрѣ эпопеи; но потомки уже сумѣли оцѣнить ихъ по ихъ настоящему достоинству. Изъ этого слѣдуетъ, что русская литература еще не обладаетъ эпической поэмой. Другія произведенія Хераскова въ прозѣ и стихахъ имѣли ту же участь»⁷⁶. Николай Ивановичъ Бахтинъ, авторъ этихъ строкъ, еще раньше нашель случай высказать свое презрѣніе къ Хераскову во французской печати: въ появилась его рецензія на уже упомянутую нами антологию Сень-Мора. О Херасковѣ тамъ говорится слѣдующее: «Я не понимаю, откуда возникло его восхищеніе стихами Хераскова. развѣ только генераль Базень былъ настолько искуснымъ переводчикомъ, насколько онъ знатный математикъ, и полностью перелилъ „Россіаду“ Хераскова, — иначе авторъ Русской антологіи долженъ былъ бы замѣтить, что планъ поэмы пороченъ, что характеры не историчны и не написаны сильной рукой; что чудесное различныхъ націй и различныхъ вѣковъ смѣшано слишкомъ щедро; что стиль его напыщенъ, холоденъ и лишенъ какого бы то ни было изящества»⁷⁷.

Отмѣтимъ еще одну оцѣнку 30-хъ годовъ, принадлежащую автору съ консервативными вкусами; онъ въ свое время читалъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ литературно-эстетическій курсъ Пушкину и его одноклассникамъ; этотъ пассажъ проясняетъ, насколько могли въ тогдашней критической словесности простираться симпатіи къ Хераскову и его произведенію⁷⁸:

«Она (Россіяда — А. Л.) писана съ цѣлію нравоучительною, а не по вдохновенію. — При всемъ томъ, Херасковъ, не желая, дабы Россіяда его была Исторіею въ стихахъ, старался вымышлять предметы, приличные Эпопеѣ, и по требованіямъ ея подчинить главный ходъ дѣйствія вліянію чудеснаго. — Согласить же его съ духомъ Христіанства онъ могъ не иначе, какъ замѣнивъ мифологическія древнія существа

⁷⁵ Литературные взгляды и творчество Н. А. Полеваго. М., ИМЛИ РАН., 2002. Сс. 94–100.

⁷⁶ Balbi, Adriano. Introduction à l'atlas ethnographique du globe, contenant un discours sur l'utilité et l'importance de l'étude des langues appliquée à plusieurs branches des connaissances humaines... un coup-d'oeil sur l'histoire de la langue slave et sur la marche progressive de la civilisation et de la littérature en Russie, dédié à S. M. l'Empereur Alexandre, par Adrien Balbi... Tome I. A Paris, Chez Rey et Gravier, Libraires, Quai des Augustins, N° 55. M. DCC. XXVI. P. 339–340. Бальби ссылается на молодого и образованнаго русскаго, не называя его имени (p. 192; 321).

⁷⁷ Quelques notes d'un Russe, présentement à Paris, sur l'Anthologie russe de M. Dupré de St.-Maure, подъ псевдонимомъ L. N. — Le Mercure du dix-neuvieme siècle. Tome sixième. Paris, au Bureau du Mercure, Rue Jockey, N° 2, au coin de la rue Montmartre; P. Monge, L'Ainé, Libraire, Boulevard des Italiens, N° 10. 1824. P. 508.

⁷⁸ Георгіевскій Петръ Егоровичъ. Руководство къ изученію русской словесности, содержащее общія понятія объ Изящныхъ Искусствахъ, Теорію Краснорѣчія, Піитику и краткую Исторію Литературы, составленное профессоромъ Императорскаго Царскосельскаго лица и Императорскаго Училища правовѣдѣнія Петромъ Георгіевским. СПб., 1836. Часть III. С. 170–171.

олицетвореніємъ страстей. — Но сіи машины чудеснаго всегда будутъ холодны... Къ другимъ недостаткамъ Россіяды должно отнести: однообразіе характеровъ и ослабленіе главнаго узла. — Не смотря на то, Поэма сія заслуживаетъ особенное наше вниманіе по важности содержанія, по нравоучительной цѣли, по множеству трогательныхъ картинъ и по богатству эпизодовъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ иногда вредятъ единству дѣйствія».

У. Бѣлинскій

Совершенно очевидно, что центральная фигура въ исторіи русской критики для послѣдующихъ поколѣній — Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій; это обоснованная позиція, если мы рассматриваемъ критику какъ явленіе общественной жизни, но совершенно искажаетъ перспективу, какъ только мы потребуемъ отъ критиковъ — выражаясь словами Ю. Айхенвальда изъ эссе о Бѣлинскомъ — «вкуса и оцѣнки»⁷⁹; и съ этой точки зрѣнія наслѣдіе Мерзлякова — при всѣхъ его заблужденіяхъ и при всѣхъ его филологическихъ грѣхахъ, которыхъ немало, но говорить о которыхъ мы не считаемъ сейчасъ умѣстнымъ, — представляется значительно болѣе цѣннымъ и самостоятельнымъ. Обратимся къ сужденіямъ Бѣлинскаго о Херасковѣ — ихъ достаточно много⁸⁰. Мы не можемъ ожидать отъ Бѣлинскаго высокой оцѣнки творческихъ достижений Хераскова — это потребовало бы отъ него такой самостоятельности, какой, какъ популярный критикъ, онъ располагать не могъ. Сами по себѣ его сужденія предсказуемы — и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ высмѣиваетъ бездарнаго стихотворца, и въ тѣхъ, гдѣ онъ отдаетъ должное почтенному человѣку съ заслугами передъ просвѣщеніемъ и полезному въ свое время автору, расширявшему своимъ, хотя бы и нелѣпымъ, творчествомъ кругъ читателей какъ таковой. Въ сужденіяхъ Бѣлинскаго интересны обертоны — тѣ мѣста, гдѣ онъ мотивируетъ свою позицію отъ имени общества и сообщаетъ — по большей части невольно — свѣдѣнія объ исторіи воспріятія. Для удобства анализа реплики, гдѣ идетъ рѣчь о критикахъ Мерзлякова и Строева, — такихъ у Бѣлинскаго немало, — мы дадимъ отдѣльно.

Николай Евграфовичъ Иванисовъ въ «Воспоминаніи о Бѣлинскомъ» сообщаетъ: «Въ то время Бѣлинскій былъ необразованъ и не имѣлъ понятія о лучшихъ писателяхъ Россіи, — вѣроятно, также и о произведеніяхъ европейской литературы вообще. Онъ спорилъ съ семинаристами о достоинствѣ произведеній Сумарокова и Хераскова, и восхищался романами Радклифъ»⁸¹. Д. П. Ивановъ въ «Сообщеніяхъ при чтеніи біографіи В. Г. Бѣлинскаго (А. Н. Пыпина). Пребываніе Бѣлинскаго въ гимназіи»⁸² комментируетъ эти строки: «Я позволю себѣ отнести съ недоувѣріемъ къ этому извѣстію. Могло статься, что

⁷⁹ Споръ о Бѣлинскомъ. — Силуэты русскихъ писателей. М., «Республика», 1994. С. 567.

⁸⁰ Михаилъ Леоновичъ Гаспаровъ остроумно замѣтилъ: «Критика отвѣчаетъ на вопросы, задаваемые произведеніемъ, литературовѣдѣніе возстанавливаетъ вопросы, на которые отвѣчало произведеніе. Задача критики — организація вкуса (единства отвѣтовъ). „Кто еще изъ читателей «Задуманнаго слова» любитъ играть въ солдатики?“ Симонидъ открылъ науку помнить, критика — науку забывать: именно она умѣетъ восхищаться каждой метафорой, какъ первой метафорой на свѣтѣ. Бѣлинскій начиналъ каждую новую рецензію съ Гомера и Шекспира, потому что ему нужно было всякій разъ перестроить исторію мировой литературы съ учетомъ новаго романа Жоржъ Зандъ». — Записи и выписки. М., Новое литературное обозрѣніе, 2000. С. 248. Это относится и къ русской литературѣ тоже — ея исторію приходилось рассматривать не менѣе часто, и «археологія» статей Бѣлинскаго обращается къ Хераскову едва ли не больше, нежели къ Шекспиру.

⁸¹ Московскія вѣдомости, 1861, № 135, 21 іюня. С. 1089. Подпись — Н. Иванисовъ 2-й.

⁸² Бѣлинскій. Письма. Т. III, СПб., 1914. С. 40.

Бѣлинскій имѣлъ въ то время смутныя понятія объ историческомъ правдоподобіи лицъ въ драмѣ <...> но трудно предположить, что Бѣлинскій, съ природнымъ свѣтлымъ умомъ, эстетическимъ чувствомъ, вкусомъ, естественно, хоть сколько-нибудь развитымъ на чтеніи первыхъ произведеній Пушкина <...> могъ отстаивать какія-то небывалыя достоинства въ драматическихъ произведеніяхъ Сумарокова... Еще менѣе правдоподобнаго въ томъ, что Бѣлинскій защищалъ достоинства <...> подражательныхъ эпопей Хераскова...».

Формулировка «спорилъ съ семинаристами» двусмысленна; однако самъ контекстъ реплики почти не оставляетъ сомнѣній въ томъ, какую сторону занималъ Бѣлинскій; Д. П. Ивановъ такъ и понимаетъ эту реплику. Тѣмъ не менѣе контраргументы его не выдерживаютъ критики: они исходятъ изъ двухъ предпосылокъ 1) что эстетическое воспріятіе молодого Бѣлинскаго таково же, какъ у него самого — да и то съ чужихъ словъ — въ 70-хъ гг. столѣтія, и 2) что позиціи Бѣлинскаго, какъ тогда, такъ и позднѣе, были самостоятельными. Между тѣмъ ни то, ни другое не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Если эстетическіе бои, о которыхъ вспоминаетъ Н. Е. Иванисовъ, дѣйствительно имѣли мѣсто, будущій критикъ могъ выступить только защитникомъ конвенціональности — возможно, въ то время еще не «прогрессивной». Интересно, что — если эти разсужденія вѣрны — ситуація совпадаетъ съ таковою же у другаго яростнаго гонителя Хераскова, Николая Полеваго. Впрочемъ, уже Бѣлинскій-студентъ составилъ себѣ о Херасковѣ вполне отрицательное мнѣніе: Т. 11, письмо № 6. Москва, 1829 года, октября 9 дня.

«Видѣлъ университетскую бібліотеку; она занимаетъ четыре пространныя комнаты; тамъ стоятъ алебастровыя бюсты великихъ геніевъ: Ломоносова, Державина, Карамзина. Тамъ же стоятъ бюсты Императора Александра I и Шувалова. Жалко, что между помянутыми бюстами великихъ писателей стоятъ бюсты — площаднаго Сумарокова, холоднаго, напыщеннаго и сухого Хераскова. Зала публичныхъ экзаменовъ прекрасна»⁸³.

Безусловно, не обходится безъ нападокъ на Хераскова «археологическая» часть «Литературныхъ мечтаній». Надо отдать Бѣлинскому должное — онъ признаетъ въ нижеприведенномъ пассажѣ высокій уровень стихотворной техники нашего поэта и его человѣческія достоинства:

«Херасковъ былъ человѣкъ добрый, умный, благонамѣренный и, по своему времени, отличный версификаторъ, но рѣшительно не поэтъ. Его дюжинныя: РОССІЯДА и ВЛАДИМІРЬ, долго составляли предметъ удивленія для современниковъ и потомковъ, которые величали его Русскимъ Гомеромъ и Виргиліемъ, и проводили во храмъ безсмертія подъ щитомъ его длинныхъ и скучныхъ поэмъ; передъ нимъ благоговѣлъ самъ Державинъ; но, увы! ни что не спасло его отъ всепоглощающихъ волнъ Леты!»⁸⁴; «Державинъ былъ почти такой же романтикъ, какъ и Пушкинъ; причина этому, повторяю, скрывается въ его невѣжествѣ. Будь этотъ человѣкъ ученъ — и у насъ было бы два Хераскова, коихъ было бы трудно отличить другъ отъ друга»⁸⁵.

Въ пассажѣ о Венелинѣ Бѣлинскій даже предполагаетъ опечатку:

«Въ заключеніе, авторъ говоритъ вообще объ эпопее, разумѣя подъ этимъ словомъ такого рода художественныя произведенія, которые создаются не какимъ-либо лицомъ, а цѣлымъ народомъ. Вслѣдствіе этого онъ очень основательно отвергаетъ художественное и эпическое достоинство всѣхъ кабинетныхъ произведеній, какъ-то: „Энеиды“, „Освобожденнаго Іерусалима“, „Генриады“, „Россіады“ (прим.: вмѣсто которой ошибкою напечатано: „Лузіады“) и пр., какъ сочиненій заказныхъ, какъ нарочныхъ трудовъ по части героизма»⁸⁶.

⁸³ Кн. Николай Николаевичъ Енгальчевъ. В. Г. Бѣлинскій. Новые данные для его біографіи. — Русская старина 1876, № 1–2. С. 56.

⁸⁴ Телескопъ № 46. М., 1834. — Молва. Литературныя мечтанія. С. 317.

⁸⁵ Телескопъ № 50. М., 1834. — Молва. Литературныя мечтанія. С. 393–394.

⁸⁶ О характерѣ народныхъ пѣсенъ у славянъ задунайскихъ. Набросано Юріемъ Венелинымъ. I.

Интересенъ пассажъ въ статьѣ 1840 г. о Бестужевѣ-Марлинском⁸⁷:

«Общество благоговѣетъ передъ Ломоносовымъ, но больше читаетъ Сумарокова и Хераскова: они понятнѣе для него, болѣе по плечу ему. Является Державинъ, и все признають его первымъ и величайшимъ русскимъ поэтомъ, не переставая, впрочемъ, восхищаться и Сумароковымъ, и Херасковымъ, и Петровымъ. Но у общества есть уже на-счетъ Державина какая-то душевная мысль, есть къ нему какое-то особенное чувство, которое часто находится въ прямой противоположности съ сознаниемъ: Херасковъ написалъ две преобладающія „героическія пѣимы“ (родъ, считавшійся вѣнцомъ поэзіи), слѣдственно, Херасковъ выше Державина, пишущаго небольшія пьесы; но со всѣмъ тѣмъ отъ имени Державина вѣяло какимъ-то особеннымъ и таинственнымъ значеніемъ. О Время невидимо работало. Старики уже начинали надоѣдать. Мерзляковъ нанесъ первый ударъ Хераскову, и хотя онъ же возхищался Сумароковымъ, но сего пѣиту уже давно не читали, а разве только подсмѣивались надъ нимъ. Темъ не менѣе, такіе люди, какъ Сумароковъ, Херасковъ и Петровъ, достойны уважительнаго вниманія и даже изученія, какъ лица историческія. Если они не имѣли ни искры положительнаго таланта поэзіи, они имѣли несомнѣнное дарованіе версификаторовъ - достоинство, теперь ничтожное, но тогда очень-важное. Образованіемъ своимъ они были несравненно-выше своихъ современниковъ и показали имъ новыя умственныя области. Нѣтъ успѣха, который былъ бы незаслуженнымъ; нѣтъ авторитета, который бы не основывался на силѣ: а эти люди пользовались удивленіемъ, возторгомъ и поклоненіемъ отъ своихъ современниковъ и, хотя недолго, даже и потомства. Ихъ читали и перечитывали, ихъ называли образцами для подражанія, законодателями вкуса, жрецами изящнаго. Но главная и дѣйствительная заслуга ихъ состоитъ въ томъ, что они отрицательно доказали положительную истину: черезъ нихъ понять былъ Державинъ такъ же, какъ потомъ черезъ Державина были они поняты, хотя онъ оказалъ имъ этимъ и совсѣмъ другаго рода услугу, чѣмъ они ему. Они приготовили Державину читателей, публику, которая безсознательно, но скоро поняла, что онъ выше ихъ, а потомъ, сравнивая его съ ними, постепенно доходила до сознанія, что чѣмъ болѣе онъ истинный поэтъ, тѣмъ более они - лжепоэты. Да, люди, подобные Сумарокову, Хераскову, Петрову, Княжнину, Богдановичу, необходимы въ историческомъ развитіи литературы, какъ писатели, отрицательно-дѣйствующіе на сознаніе общества въ сферѣ положительной истины».

Въ одномъ изъ обзоровъ для «Отечественныхъ записокъ», въ очередномъ «археологическомъ» очеркѣ, читаемъ:

«Херасковъ, также человекъ безъ всякаго поэтическаго призванія, еще больше утвердилъ направленіе, данное Ломоносовымъ литературѣ. Современники называли его русскимъ Гомеромъ и Виргилиемъ; Державинъ не смѣлъ думать даже о равенствѣ съ нимъ, не только о превосходствѣ надъ нимъ»⁸⁸.

Въ статьѣ о Баратынскомъ содержатся ироническіе нападки на литературныхъ старовѣровъ въ публикѣ:

И теперь еще на Руси есть цѣлая публика, хотя и небольшая, которая отъ всей души убѣждена, что Ломоносовъ «нашихъ странъ Малербъ и Пиндару подобенъ», что Херасковъ — «нашъ Гомеръ, воспѣвшій древни брани, Россіи торжество, паденіе Казани», что Сумароковъ въ притчахъ побѣдилъ Лафонтена, а въ трагедіяхъ далеко оставилъ за собою и Корнеля, и Расина, и господина Вольтера, и что съ этими тремя поэтами кончился цвѣтушій вѣкъ русской словесности⁸⁹.

Не вносятъ ничего новаго и статьи пушкинскаго цикла, гдѣ обойтись безъ упоминанія Хераскова было, разумѣется, невозможно:

(Сербскіе. Пропущено Бѣлинскимъ. — Прим. на с. 64.) Османъ Шеовичъ. Женитьба Павла Плетикосы. Москва. Въ типографіи Н. Степанова. 1835. 118. (8). — Молва 1836, ч. XI, № 1, с. 31–37.

⁸⁷ Полное собраніе сочиненій А. Марлинскаго. Русскіе повѣсти и рассказы (восемь частей третьимъ изданіемъ). Кавказскіе очерки. Стихотворенія и полемическія статьи. Повѣсти и прозаическіе отрывки, оставшіеся послѣ смерти автора. Двѣнадцать частей. СПб., 1838–1839. — Отечественныя записки. 1840, т. 8, № 2. С. 62–63 2-й пагинаціи.

⁸⁸ Русская литература въ 1840 году. — Отечественныя записки, 1841, январь, № 1, с. 8 5-й пагинаціи.

⁸⁹ Стихотворенія Е. Баратынскаго. Сумерки. Сочиненіе Евгенія Баратынскаго. Москва, 1842. Стихотворенія Евгенія Баратынскаго. Двѣ части. Москва, 1835. — Отечественныя Записки, 1842, т. 25, № 12, отд. 5. С.

«Херасковъ написалъ цѣлые двѣнадцать томовъ⁹⁰. Онъ былъ и эпикъ, и трагикъ, писалъ даже «слезныя драмы» и комедіи, и во всемъ этомъ обнаружилъ большую страсть къ литературѣ, большое добродушіе, большое трудолюбие и — большую безталанность. Но современники думали о немъ иначе, и смотрели на него съ какимъ-то робкимъ благоговѣніемъ, какого не возбуждали въ нихъ ни Ломоносовъ, ни Державинъ. Причиною этого было то, что Херасковъ подарилъ Россію двумя эпическими или героическими поэмами — „Россиадою“ и „Владиміромъ“. Эпическая поэма считалась тогда высшимъ родомъ поэзіи, и не имѣть хоть одной поэмы народу, значило тогда не имѣть поэзіи. Какова же должна быть гордость отцовъ нашихъ, которые знали, что у Итальянцевъ была одна только поэма — „Освобожденный Іерусалимъ“, у Англичанъ, тоже одна — „Потерянный Рай“, у Французовъ одна, и то недавно написанная — „Генріада“, у Нѣмцевъ, одна, почти въ одно время съ поэмами Хераскова написанная — „Мессіада“ даже у самихъ Римлянъ только одна поэма, а у насъ, Русскихъ такъ же какъ и Грековъ, цѣлыя двѣ! Каковы эти поэмы — объ этомъ не разсуждали, тѣмъ болѣе, что никому въ голову не приходила мысль о возможности усомниться въ ихъ высокомъ достоинствѣ. Самъ Державинъ смотрѣлъ на Хераскова съ благоговѣніемъ и разъ, безъ умысла, написалъ на него злую эпиграмму, думая написать мадригалъ, въ стихотвореніи „Ключъ“ <...> Дмитріевъ такъ выразилъ свое удивленіе къ Хераскову въ этой надписи къ его портрету <...> Мы увидимъ ниже, какъ долго еще продолжалось мистическое уваженіе къ творцу „Россиады“ и „Владиміра“, не смотря на сильныя возстанія противъ его авторитета нѣкоторыхъ дерзкихъ умовъ: оно совершенно окончилось только при появленіи Пушкина. Причина этого мистическаго уваженія къ Хераскову заключается въ риторическомъ направленіи, глубоко охватившемъ нашу литературу»⁹¹.

Здѣсь характеристика Хераскова по крайней мѣрѣ на своемъ мѣстѣ. Но Бѣлинскій не можетъ оставить поэта въ покоѣ: онъ возвращается къ своимъ нападкамъ во второй статьѣ, посвященной Карамзину:

«До Карамзина у насъ, на Руси, думали, что книги пишутся и печатаются для однихъ „ученыхъ“ и что неученому почти такъ же не пристало брать въ руки книгу, какъ профессору танцевать. Оттого содержаніе книгъ, по тогдашнему мнѣнію, должно было быть какъ можно более важнымъ и дѣльнымъ, то есть какъ можно болѣе тяжелымъ и скучнымъ, сухимъ и мертвымъ. Болѣе всѣхъ подходилъ тогда къ идеалу великаго поэта — Херасковъ, потому что былъ тяжелъ и скученъ до невыносимости. Онъ воспѣлъ, въ двухъ огромныхъ поэмахъ, два важныя событія изъ русской исторіи, и воспѣлъ ихъ, не справляясь съ исторіею, не стараясь быть ей вѣрнымъ. Исторіи русской онъ даже и не зналъ фактически⁹². <...> „Ученые“ того времени были безъ ума отъ поэмы Хераскова; они знали ее чуть не наизусть, — а теперь всякій счелъ бы за подвигъ, если бы ему удалось осилить чтеніемъ отъ начала до конца это тяжелое, стопудовое произведеніе»⁹³.

Критеріемъ качества является мнѣніе публики, какъ, напр., въ оцѣнкѣ Кантемира: «Что онъ не поэтъ, этому доказательствомъ служитъ то, что онъ забытъ. Старинный слогъ! Пустое!.. Шекспира сами англичане читаютъ съ комментаріями»⁹⁴. «Разве голосъ знатоковъ не утвердилъ имени генія за Херасковымъ, а толпа не отвергла этого *Россійскаго Гомера* и его дюжиныхъ поэмъ, отказавшись ихъ читать? Кто же былъ правъ: *толпа* или *знатоки*? Потомъ, разве знатоки не отвергли „Руслана и Людмилу“»⁹⁵. Впрочемъ, въ мно-

⁹⁰ На самомъ дѣлѣ поэма «Царь, или Спасенный Новгородъ» разсматривалась какъ тринадцатый, а «Бахаріана» — какъ четырнадцатый томъ собранія его сочиненій.

⁹¹ Сочиненія Александра Пушкина. Санктпетербургъ. Одиннадцать томовъ. MDCCCXXXVIII–MDCCCXLI. Статья первая. (Обозрѣніе русской литературы до Пушкина...) — Отечественныя записки, Учено-литературный журналъ, издаваемый Андреемъ Краевскимъ, на 1843 годъ. С. Петербургъ. Въ типографіи К. Жернакова. 1843. Томъ XXVIII. С. 29 5-й пагинаціи.

⁹² Аргументы, разумѣется, заимствуются у П. М. Строева.

⁹³ Сочиненія Александра Пушкина. Санктпетербургъ. Одиннадцать томовъ. MDCCCXXXVIII–MDCCCXLI. Статья вторая. — Отечественныя записки, Учено-литературный журналъ, издаваемый Андреемъ Краевскимъ, на 1843 годъ. С. Петербургъ. Въ типографіи К. Жернакова. 1843. Томъ XXX. С. 1–2 5-й пагинаціи.

⁹⁴ ЛМЪ 5.

95 Турлуру (.) романъ Поль де Кока. Санктъ-Петербургъ. 1838. Въ типографіи И. Глазунова и

госложномъ интеллектуальномъ хозяйствѣ Бѣлинскаго и это не рѣшающій, какъ оказывается, аргументъ: «Державина давно уже никто не читаетъ и все знаютъ его только по журнальнымъ фразамъ да школьнымъ воспоминаніямъ»⁹⁶, что, разумѣется, никоимъ образомъ не сказывается на оцѣнкѣ его творчества; возможно, въ глазахъ Бѣлинскаго Державина не читали какимъ-либо принципиально инымъ способомъ, нежели ранѣе, въ періодъ «Литературныхъ мечтаній», Кантемира или всегда — Хераскова. А кромѣ того, здѣсь «толпа» противопоставляется «знатокамъ» — но, оказывается, ее можно противопоставить и народу⁹⁷: «...число читателей Крылова будетъ безпрестанно умножаться, и придетъ время, когда они сдѣлаются ходячею философіею народа, въ полномъ смыслѣ этого слова, когда они будутъ издаваться десятками тысячъ экземпляровъ; они, а вмѣстѣ съ ними и слава Крылова, погаснутъ только съ жизнію народа. Вы скажете: но вѣдь и авторитеты Тредьяковскаго, Сумарокова, Хераскова и другихъ были не меньше авторитетовъ Крылова, Пушкина и Грибоѣдова? Такъ — но педанты, толпа и чернь еще не народъ». Эта блестящая мысль даетъ возможность критику быть всегда солидарнымъ съ «народомъ», исключая по произволу изъ его состава любую его часть, — но оставляетъ суждѣніе о цѣнности безъ критерія. По идеѣ, такая черезполосица мысли должна вести къ произволу личнаго вкуса, — но нѣтъ, тутъ журналистъ поправляетъ мыслителя и вноситъ не упомянутую рамку — социально-хронологическую: «народомъ» для Бѣлинскаго является его референтная группа, а до нея были «чернь» и «педанты». И если упустить изъ вида, что именно себя и свою референтную группу Бѣлинскій считаетъ полноправными законодателями вкуса, связать въ единое цѣлое «развѣянные звенья» его концепціи не удастся.

У читателя можетъ возникнуть вопросъ: для такого прогрессиста, какимъ является Бѣлинскій, обладаетъ ли прогрессъ свойствомъ непрерывности? Если да, то сознаетъ ли онъ, что его мнѣнія для послѣдующихъ поколѣній должны быть такимъ же заблужденіемъ, какъ для него — мнѣнія предшествующихъ эпохъ? Если нѣтъ, откуда убѣжденіе, что прогрессъ остановился именно сейчасъ и истина, наконецъ, найдена? И каковъ тогда статусъ произведеній изящной словѣсности ушедшихъ эпохъ — если величіе Гомера и Шекспира въ томъ, что они во всей полнотѣ отразили греческій и англійскій міръ своего времени, то чѣмъ они могутъ быть интересны современному человѣку, живущему совершенно другими идеями? Но не будемъ беспощадны и не станемъ требовать отъ журналиста работы мыслителя.

Ко. Четыре части... Сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро, или Каковъ женихъ? Романъ сочиненія Поль де Кока. Москва. 1838. Въ типографіи Евреинова. 270. (12). Повѣсти Евгенія Сю. Переводъ съ французскаго. 1. Приключенія Нарциса Желена. 2. Корсеръ. 3. Парижанинъ-морякъ. Москва, 1838. Въ университетской типографіи. 116. (12). — Московскій наблюдатель, 1838, ч. XVII, июнь, кн. 1. С. 395-401

⁹⁶ Отечественные записки, 1843, т. XXVI, N 2, отд. V, «Критика», с. 32-33.

⁹⁷ О жизни и произведеніяхъ сира Вальтера Скотта. Сочиненіе Аллана Каннингама. Переводъ Дѣвицы Д.... Санктпетербургъ. Въ типографіи Конрада Вингебера. 1835. XLVII—143. (8). Молва 1835, ч. 10, № 43. С. Ср. тамъ же: «У меня престранный и пренелѣпый вкусъ: я самъ недорого бы далъ этому забытому народомъ и прославленному восемнадцатымъ векомъ поэту, котораго неестественная и напряженная фантазія изобрела порохъ и пушки еще прежде Адама и Евы и заставила дьяволовъ стрелять изъ этихъ пушекъ въ ангелов. Многіе находятъ въ этомъ удивительное величіе и исполинскую силу воображенія, но я (и очень многіе, если не все) нахожу тутъ одну уродливость, которой истинный художникъ никогда не могъ бы выдумать. Нѣтъ, воля ваша, а *гласъ народа — гласъ Божій*, и народъ и века самые непогрешительные критики».

Отдѣльно рассмотримъ у Бѣлинскаго упоминанія статьи Мерзлякова. Эта тема является уже въ «Литературныхъ мечтаніяхъ»: «Помните ли, чего стоили Мерзлякову его критическіе отзывы о Херасковѣ? Помните ли, какъ пришли г. Каченовскому его замѣчанія на „Исторію государства Россійскаго“?»⁹⁸ — задаетъ онъ вопросъ своимъ читателямъ. А между тѣмъ самому ему помнить объ этомъ мудрено — въ моментъ выхода первой статьи цикла ему было примѣрно три съ половиной года; не больше и той аудиторіи, къ которой прежде всего была обращена его рѣчь. Олегъ Анатольевичъ Проскуринъ утверждаетъ, что Бѣлинскій былъ прекраснымъ знатокомъ исторіи русской журналистики⁹⁹; если это такъ, то съ его стороны имѣло мѣсто сознательное лукавство: никакихъ особыхъ неприятностей Мерзляковъ въ связи со своей статьей не пережилъ, и она не стоила ему практически ничего. «Мерзляковъ вздумалъ было напасть на авторитетъ Хераскова и, взявши ложныя основанія, высказалъ много умнаго и дѣльнаго, но какъ его критицизмъ былъ явнымъ анахронизмомъ, то и не принесъ никакихъ плодов»¹⁰⁰. Эта реплика находится въ противорѣчьи съ его обычной позиціей (зато ея остріе созвучно съ давней мыслью Пушкина, знать о которой онъ не могъ); какіе же «плоды» онъ имѣетъ въ виду — не совсѣмъ понятно; если это ущербъ для репутаціи Хераскова, то — со своей точки зрѣнія — онъ неправъ, а если распространеніе близкихъ ему мнѣній объ изящной словесности — что жъ, ему виднѣе. Слѣдующее упоминаніе пытается зафиксировать тотъ ложный романтическій штампъ о Мерзляковѣ, который былъ данъ въ «Литературныхъ мечтаніяхъ»:

«Мерзляковъ даже дерзнулъ (о ужась!) изъявить довольно рѣзкое сомнѣніе насчетъ безукоризненнаго совершенства „Россіады“ и „Владимира“. <...> Критика, дотолѣ скромная, покорная служительница авторитета и льстивая повторяльщица избитыхъ общихъ мѣстъ, — вдругъ словно съ цѣпи сорвалась. Она перевернула всѣ понятія, ложью объявила то, что дотолѣ считалось истиною, назвала истиною то, что дотолѣ считалось ложью. Сумарокова провозгласила она бездарнымъ писакою, подъ пару Тредьяковскому; поэмы Хераскова изъ великихъ произвела только въ тяжелыя; Петрова объявила надутымъ риторомъ въ стихахъ; даже Ломоносова дерзнула поставить какъ поэта и лирика на весьма почтительное разстояніе отъ Державина. <...> Было время, когда Мерзляковъ не зналъ, куда дѣваться отъ всеобщаго негодованія, которое возбудили его смѣлыя статьи противъ Хераскова»¹⁰¹.

Естественно, безъ упоминанія мерзляковской статьи не обходится «археологія» цикла статей о Пушкинѣ. Въ третьемъ опытѣ онъ пишетъ:

«Если Батюшковъ не упомянулъ въ этихъ стихахъ о Херасковѣ и Сумароковѣ, это, вероятно, потому, что первому изъ нихъ были уже нанесены страшные удары Мерзляковымъ и Строевымъ (П. М.), а второй мало-помалу какъ-то самъ истерся въ общественномъ мнѣніи. Впрочемъ, это не мѣшаетъ Батюшкову титуловать Хераскова громкимъ именемъ „пѣвца Россіады“ и приписывать ему какую-то „славу писателя“»¹⁰².

Но въ пассажѣ, посвященномъ самому Мерзлякову, тональность куда мягче и ближе къ той, которую обнаружилъ Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ:

⁹⁸ ЛМЪ 7.

⁹⁹ Незадачливый наслѣдникъ. Какъ Александръ Пушкинъ помогъ Михаилу Дмитріеву написать доносъ въ стихахъ и что изъ этого вышло. — Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., О. Г. И., 2000. С. 354.

¹⁰⁰ Ничто о ничемъ — Телескопъ, 1836, 31, кн. 1, 155-157; 2, 341-352; 3, 472-493; 4, 630-664.

¹⁰¹ Русская литература въ 1844 году. — Отечественныя записки, 1845, т. XXXVIII, N 1, отд. V "Критика", с. 1 — 42.

¹⁰² ПЪ 3.

«Огромный разбор „Россиады“, написанный Мерзляковым, возбудил общій ропотъ, хотя этотъ разборъ написанъ не только съ уваженіемъ, но и съ любовію къ Хераскову. Критика Мерзлякова была смѣла не по времени, и притомъ нерѣшительна, а потому однихъ оскорбила, другихъ ужаснула, третьихъ не удовлетворила и немногимъ понравилась. Во всякомъ случаѣ, эта критика принадлежитъ къ любопытнѣйшимъ фактамъ исторіи русской литературы»¹⁰³.

Тамъ же ему вспоминается критика Строева:

«Г-нъ Павелъ Строевъ доказаль ясно и неопровержимо, что „Россиада“ и по содержанію и по формѣ — сущій вздоръ; что историческое событіе въ ней искажено, характеры перевернаны, чудесное нелѣпо, поэтическія краски сухи и холодны, выраженіе дико. Въ заключеніе онъ находитъ во всей „Россиадѣ“ только десять сряду хорошихъ стиховъ <...> И это дѣйствительно лучшіе и единственно хорошіе стихи во всей „Россиадѣ“. Какой страшный урокъ былъ преподанъ этимъ юношею разнымъ ученымъ колпакамъ!...»¹⁰⁴.

Въ пятой статьѣ, уже приступая къ пушкинскому творчеству, Бѣлинскій возвращается къ Мерзлякову:

«Такъ, напримеръ, при всемъ умѣ, дарованіяхъ, учености и образованности, которыми обладалъ Мерзляковъ, онъ отъ души считаль Хераскова, Сумарокова и Петрова великими поэтами. Романтическая критика первая осмѣлилась сказать правду объ этихъ писателяхъ и столкнуть съ пьедестала ихъ глиняные кумиры, которые сейчасъ же и развалились отъ этого толчка; вѣдь глина — не мѣдъ и не мраморъ! <...> псевдоклассическая критика Мерзлякова, въ своей старческой неподвижности, не умѣла видѣть такой же разницы между истиннымъ поэтомъ Державинымъ и риторомъ-поэтомъ Ломоносовымъ, между огромнымъ поэтомъ Державинымъ и прозаическими стихотворцами Сумароковымъ, Петровымъ и Херасковымъ...»¹⁰⁵.

Какъ видимъ, и здѣсь Бѣлинскій не заботится о томъ, чтобы свести концы съ концами. Статья мерзляковская и оказываетъ значительное вліяніе, и «почти никому не нравится»; авторъ и говоритъ много дѣльнаго, и не видитъ разницы между истинной поэзіей и риторикой. Съ задорными выпадами Строева Бѣлинскій солидаренъ въ куда большей степени; но роль ихъ преувеличиваетъ многократно — вѣдь вызвать раздраженіе «ученыхъ колпаковъ» еще не значитъ преподавать имъ урокъ.

Вернемся, однако, къ «Литературнымъ мечтаніямъ». Иванъ Ивановичъ Панаевъ, въ теченіе долгаго времени близкій другъ Бѣлинскаго, описываетъ свои впечатлѣнія отъ чтенія цикла статей:

«Однажды, прохаживаясь по Невскому проспекту, я зашелъ въ кондитерскую Вульфа, въ которой получались всѣ русскіе газеты и журналы. Я подошелъ къ столу, на которомъ они были разложены, и мнѣ прежде всего попался на глаза послѣдній нумеръ „Молвы“. Въ этомъ нумерѣ было продолженіе статьи подъ заглавіемъ: „Литературныя мечтанія. — Элегія въ прозѣ“. Это оригинальное названіе заинтересовало меня: я взялъ нѣсколько предшествовавшихъ нумеровъ и принялся читать.

Начало этой статьи привело меня въ такой восторгъ, что я охотно бы тотчасъ поскакаль въ Москву познакомиться съ авторомъ ея и прочесть поскорѣе ея продолженіе, если бы это было можно. Новый, смѣлый, свѣжій духъ ея такъ и охватилъ меня.

„Не оно ли, — подумаль я, — это новое слово, котораго я жаждалъ, не это ли тотъ самый голосъ правды, который я такъ давно хотѣль услышать?“

Я выбежалъ изъ кондитерской, сѣлъ на перваго попавшагося мнѣ извозчика и отправилъся къ Языкову. Я вбѣжалъ къ нему съ крикомъ:

— Ну, братъ, у насъ появился такой критикъ, передъ которымъ Полевой — ничто. Я сейчасъ только пробежалъ начало его статьи — это чудо, чудо!..

— Неужто? — возразилъ Языковъ, — да кто такой? Гдѣ напечатана эта статья?..

Я перewelъ духъ, бросилъся на диванъ и, немного успокоясь, разсказаль ему, въ чемъ дело.

¹⁰³ Статья вторая. Отечественныя записки. Томъ XXX. 1843. С. 86 5-й пагинаціи.

¹⁰⁴ Ibid. С. 87.

¹⁰⁵ ПБ 5.

Мы съ Языковымъ, какъ люди, всѣмъ дѣтски увлекашіеся, тотчасъ же отправились въ книжную лавку, достали нумера „Молвы“, и я прочелъ ему начало статьи Бѣлинскаго. Языковъ пришелъ въ такой же восторгъ, какъ я, и впослѣдствіи, когда мы прочли всю статью, имя Бѣлинскаго уже стало дорого намъ.

Какъ ничтожны и жалки казались мнѣ, послѣ этой горячей и смѣлой статьи, пошлыя, рутинныя критическія статейки о литературѣ, появившіеся въ московскихъ и петербургскихъ журналахъ! <...> Эти строки были мнѣ по сердцу, потому что послѣ моего дѣтскаго увлеченія Кукольникомъ, после смѣшного и рабскаго преклоненія предъ нимъ я чувствовалъ озлобленіе противъ всѣхъ авторитетовъ, даже противъ моего кумира Марлинскаго. Я съ какимъ-то наслажденіемъ любовался, какъ Бѣлинскій безпощадно разби- валь его».

Еще для нашихъ разсужденій важно, что непосредственно передъ этимъ Панаевъ формулируетъ претензію своего поколѣнія къ тогдашней критикѣ Полеваго: онъ не принялъ Гоголя. И здѣсь становится совершенно очевидной одна изъ важнѣйшихъ деталей механизма воздѣйствія литературной критики: она вовсе не предполагаетъ интеллектуальнаго лидерства со стороны критика, наоборотъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицаетъ его. Полевой является авторитетной фигурой, но какъ только въ его публицистикѣ звучатъ ноты, противоположныя ожидаемымъ, онъ утрачиваетъ авторитетъ, не сумѣвъ внушить молодому поколѣнію своихъ взглядовъ. Такъ что объ авторитетѣ критика какъ таковомъ нельзя говорить безъ значительной доли скепсиса — далеко не всякое критическое сужденіе способно найти откликъ и стать общественнымъ достояніемъ, а только такое, которое возвращаетъ публикѣ — въ отрефлектированномъ и болѣе развитомъ видѣ — ея собственныя чувства. Бѣлинскій не былъ тутъ исключеніемъ. Безусловно, Панаевъ не хотѣлъ сказать этимъ отрывкомъ того, что онъ сказалъ; но въ столь разительномъ разломѣ между очевидной тенденціей и логическими выводами заключается для насъ дополнительная гарантія достовѣрности описанной картины.

Болѣе подробно, нежели самъ Бѣлинскій, развиваетъ соотвѣтствующіе взгляды о Херасковѣ Алексѣй Дмитриевичъ Галаховъ. Мы возьмемъ первый его критическій текстъ, на который онъ въ дальнѣйшемъ ссылался, — статью въ «Московскихъ вѣдомостяхъ». Указывая (вполнѣ справедливо и превышая кругозоръ учителя), что писателя прежнихъ временъ нельзя судить съ точки зрѣнія современныхъ эстетическихъ теорій, Галаховъ, однако же, высказываетъ строгую оцѣнку автору «Россиады»:

«Что же, послѣ этого, Херасковъ? Сочиненія его, не выдерживая, по своему поэтическому или вѣрнѣе, антипоэтическому значенію, никакого сравненія съ сочиненіями фонъ-Визина и Державина, уступаютъ имъ въ такой же мѣрѣ и силою своего отношенія къ опредѣленной эпохѣ. Большею частію представляя невѣрно избранныя событія и лица (авторъ ниже солидаризируется съ критикой Строева въ отношеніи исторической концепціи «Россиады» — А. Л.), они какъ бы вовсе отрѣшены отъ дѣйствительности. Однакожь и при такомъ отвлеченномъ, почти безжизненномъ характерѣ, они не чужды нѣкоторыхъ указаній на предметы екатеринина вѣка...»¹⁰⁶.

«Драматическія и лирическія его творенія — такого же достоинства, какъ въ поэтическомъ, такъ и въ историческомъ отношеніи. Что касается до похвальныхъ одъ его, то въ нихъ недостатокъ истиннаго и точнаго представленія действительности выступаетъ еще виднѣе, благодаря мѣрно-классической формѣ, заслоняющей собою содержаніе, котораго, говоря собственно, у Хераскова очень мало, а иногда и нѣтъ вовсе. Нѣтъ сомнѣнія, что патріотическія чувства Хераскова были искренны: кто знаетъ его нравственный характеръ, тому всего менѣе придетъ въ голову подозрѣвать его въ неискренности. Несомнѣнно также, что торжественное (sic! — А. Л.) лирика у него, равно какъ и другихъ стихотворцевъ, часто вдохновлялась помимо условныхъ отношеній. Иначе не могло и быть. Херасковъ, по своему образованію и общественному

¹⁰⁶ О Херасковѣ, по поводу Библиографической замѣтки г. Ловгинова (sic! — А. Л.), въ № XI «Современника» на 1857. А. Д. Галахова. — Литературный отдѣлъ Московскихъ Вѣдомостей 1857 года, декабря 31-го, № 157-й. С. 698.

положенію, стоялъ въ средѣ людей просвѣщенныхъ. Ему извѣстны были намѣренія и дѣла правительства, направленіе и потребности цивилизованнаго общества. Онъ дышалъ атмосферою тѣхъ идей, которыя тогда господствовали въ Европѣ. Какимъ образомъ могъ бы онъ не замѣтить ихъ, и замѣтивъ — не говорить о нихъ? Вопросъ слѣдовательно не въ этомъ, а въ томъ, какъ онъ понималъ ихъ и, понимая, какъ ихъ представлялъ <...>. Есть ли подобное (какъ у Княжнина — А. Л. умное представление въ одахъ Хераскова? <...> Вездѣ общія мѣста, которыя легко отнести къ кому угодно, безъ малѣйшаго для нихъ ущерба. Отвлеченностью, безцвѣтностью страдаютъ и описаніе Новороссійскаго края, правосудія, просвѣщенія, законодательства. Не только внутренній характеръ правленія не обозначенъ опредѣлительно, но и внѣшнее его проявленіе представлено обще-реторическимъ образомъ. Короче, нѣтъ ни вѣрнаго изображенія дѣйствительности, ни разумнаго ея пониманія»¹⁰⁷.

Въ духѣ Бѣлинскаго (и, по-видимому, въ зависимости отъ него) сформулирована оцѣнка Ивана Александровича Гончарова. Въ старости, въ дни пушкинскихъ торжествъ въ Москвѣ въ 1880 году Гончаровъ писалъ Леониду Александровичу Полонскому, издателю журнала «Страна»:

«Я по лѣтамъ своимъ старше всѣхъ современныхъ писателей, принадлежу къ лучшей порѣ расцвѣтанія пушкинскаго генія, когда онъ такъ обаятельно дѣйствовалъ на общество, особенно на молодяго поколѣнія. Старики еще ворчали и косились на него, тогда какъ мы всѣ падали на колѣни передъ нимъ. Первымъ прямымъ учителемъ въ развитіи гуманизма, вообще въ нравственной сферѣ былъ Карамзинъ, а въ дѣлѣ поэзіи мнѣ и моимъ сверстникамъ, 15–16-лѣтнимъ юношамъ, приходилось питаться Державинимъ, Дмитріевымъ, Озеровымъ, даже Херасковымъ, которого въ школѣ выдавали тоже за поэта. И вдругъ Пушкинъ!» {И. А. Гончаровъ, Литературно-критическіе статьи и письма, стр. 298.}

Отмѣтимъ, что критическіе оппоненты Бѣлинскаго — Степанъ Петровичъ Шевыревъ и Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ — по существу вопроса въ отношеніи Хераскова съ нимъ не спорятъ:

«Херасковъ въ свое время былъ болѣе извѣстенъ двумя поэмами: *Россіяда* и *Владиміръ*, которыя Мерзляковъ подвергъ подробному и строгому критическому разбору, своею поэмою въ поэтической прозѣ *Кадмъ и Гармонія*, и своими слезными драмами. Нынѣ произведенія Хераскова въ большинствѣ забыты, потому что чужды всякой оригинальности и представляютъ лишь плодъ изученія западныхъ подлинниковъ. Но прекрасная жизнь Хераскова, какъ друга просвѣщенія, какъ покровителя Новикова и основателя университетскаго пансіона, записана въ исторіи Московскаго университета чертами истинной благодарности»¹⁰⁸. «Старшій изъ жившихъ тогда авторовъ былъ *Херасковъ*, почитавшійся въ свое время звѣздой первой величины въ нашей словесности; планетою, потому только не имѣвшею спутниковъ, что высота эпической поэмы казалась недостижимою. Только въ наше время поняли, что героическая поэма, въ родѣ древнихъ, невозможна, потому что несовременна нашимъ понятіямъ о героизмѣ и о чудесномъ! — Тогда читали Хераскова съ благоговеніемъ, хотя можетъ быть и принужденнымъ. Безусловное уваженіе къ предметамъ высокимъ было еще во всей силѣ; критики не было; литераторы держались, почти машинально, образцовъ и школьныхъ теорій, которыя почитались законченными и довершенными навсегда; а смѣлость сужденія не доходила еще до самоуправства. — Тогда уважали въ авторѣ все: и самое намѣреніе, и самую цѣль. Конечно, при этомъ выигрывала больше нравственная сторона читателя, нежели его вкусъ и образованность! — Какъ бы то ни было, Херасковъ былъ въ славѣ и въ уваженіи. — Языкъ его и тогда считался нѣсколько тяжелымъ и напыщеннымъ; но первое оправдывали важностію содержанія, а второе считали принадлежностію высокихъ родовъ поэзіи. Каждое время имѣетъ свои понятія: нужна большая

¹⁰⁷ Ibid. С. 700. Въ дальнѣйшемъ Галаховъ не смягчился: «Предметъ, выбранный Херасковымъ, не представлялъ дѣйствительнаго и современнаго интереса... Вѣрно-поэтическаго воспроизведенія событія нѣтъ и не могло быть въ Россіадѣ, потому что она составлена изъ подражаній... Разсказъ вездѣ искусственный: отсутствіемъ простоты и естественности авторъ думалъ сообщить поэмѣ величіе, и сообщилъ ей высокопарность и надутость». — Исторія русской словесности (учебникъ для средне-учебныхъ заведеній). Составилъ А. Галаховъ, примѣнительно къ учебному плану, утвержденному Министерствомъ народнаго просвѣщенія. СПб., 1879. Сс. 155–156.

¹⁰⁸ Лекціи о русской литературѣ, читанныя въ Парижѣ въ 1862 году С. П. Шевыревимъ. СПб., 1884. С. 228.

степень просвѣщенія, чтобы смотрѣть своими собственными глазами и освободить себя отъ всѣхъ предубѣждений и навыковъ своего времени»¹⁰⁹.

Безусловно, при всѣхъ качествахъ Дмитріева-мемуариста въ томъ, что касается языка произведенитъ Хераскова, память измѣняетъ ему: онъ проецируетъ на тѣ давнія времена (о которыхъ могъ знать только по рассказамъ) воспріятіе гораздо болѣе поздней эпохи: какъ разъ языкъ Хераскова долженъ былъ казаться современникамъ очень легкимъ, «модернистичнымъ». Ad hoc подверстаны и объясненія; въ томъ, что писали современники поэта, мы не найдемъ на такія мысли даже и намека. Указанія на иную возможную позицію проявляются у другаго оппонента неистоваго Виссаріона — у Михаила Петровича Погодина. Въ анонимно опубликованной рецензіи на некрологъ Полевому онъ пишетъ:

«...нахожу въ продолженіи десяти слишкомъ лѣтъ одни и тѣ же возгласы, подправляемые по временамъ варварскими фразами изъ Нѣмецкихъ и Французскихъ журналовъ. Сначала, когда г. Бѣлинскій произнесъ ихъ въ первый разъ, можно еще было ихъ прослушать; можно было даже надѣяться, что молодой человекъ, занимаясь и участь, сдѣлается со временемъ полезнымъ дѣлателемъ въ литературѣ, хоть и въ числѣ чернорабочихъ, переводчикомъ, сократителемъ, даже рецензентомъ для сочиненій второклассныхъ; но онъ остановился на первомъ шагу, закружился въ первомъ кругу, и какъ будто осужденный злымъ волшебникомъ, началъ сказывать одну докучную сказку, началъ пѣть одну монотонную пѣсню, и пѣлъ ее десять лѣтъ, поетъ и теперь безъ умолку.

Какоеже содержаніе этой докучной сказки?

Ломоносовъ не поэтъ. Державинъ ничего незначить. Богдановича нечего читать. О Сумароковѣ, Княжнинѣ, Херасковѣ не стоить труда и говорить. Озеровъ сентименталистъ. Карамзинъ устарѣлъ. ... Эта еролашь, казалось, должна была быть оставлена безъ всякаго дѣйствія и награждена общимъ презрѣніемъ. Нѣтъ! у насъ ее слушали, принимали, одобряли, и вотъ въ Москвѣ какой то господинъ Галаховъ, въ угодность г. Бѣлинскому, ставитъ позорное клеймо на державинскія оды Богъ и Водопадъ, на Ломоносовскія размышленія, въ Хрестоматіи назначенной для юношества, и вотъ въ Кіевѣ какой то господинъ Аскоченскій составляетъ чуть ли не изъ нея Исторію русской литературы»¹¹⁰; «Полевой также сражался съ вѣтрыными мѣльницами, какъ Г. Бѣлинскій, т. е. они составляли себѣ призраки, махали надъ ними своими бумажными мечами, и провозглашали себя героями...» (с. 167).

Позднѣе Погодинъ повторитъ аналогичныя мысли уже въ некрологѣ самому Бѣлинскому:

«Безпокойно-покойный Телеграфъ былъ для него Гимназіей, Университетомъ, Академіей и Библиотекой для чтенія. Всю премудрость свою почерпнулъ онъ въ своей молодости изъ этаго мутнаго источника, а подновлялася она по слухамъ изъ вторыхъ и третьихъ устъ о новыхъ произведеніяхъ Французской словесности.

Въ такомъ легкомъ вооруженіи вздумалъ онъ преобразовать совершенно Русскую словесность, и уничтожить всѣ авторитеты. Отечественныя Записки провозгласили его своимъ диктаторомъ. Ломоносовъ, Карамзинъ, Державинъ должны были трепетать въ своихъ могилахъ отъ его бранныхъ возгласовъ; о Сумароковѣ, Херасковѣ, Богдановичѣ — не смѣй никто и вспоминать. Невѣжи, отсталые, восклицалъ удалой молодець Русской Словесности, какъ прозвалъ его мѣтко одинъ литераторъ — и продолжалъ махать на право и на лѣво!

Безпрестанно твердилъ Бѣлинскій свою докучную сказку, которая всегда начиналась опять съ конца: Кантемиръ, Тредьяковскій; Ломоносовъ.... Кантемиръ, Тредьяковскій; Ломоносовъ.... Кантемиръ,

¹⁰⁹ Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукой и его сочиненія. Сочиненіе М. А. Дмитріева. М., 1863. С. 172–173. На с. 217 осуждаются философическія оды какъ состоящія изъ однихъ моральныхъ разсужденій; о «голой морали» Хераскова Дмитріевъ пишетъ и на с. 256.

¹¹⁰ Николай Алексѣевичъ Полевой. Сочиненіе В. Бѣлинскаго. С.-Пб. Въ типографіи Праца, 1846 г. с. 55. Москвитянинъ, 1846, Ч. III, № 5, с. 164–165. Обстоятельства публикаціи, обширныя цитаты и указаніе погодинскаго авторства: Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга восьмая. СПб., 1894. С. 489 слл.

Тредьяковскій; Ломоносовъ... за ними слѣдовали двѣнадцать статей о Пушкинѣ, и чуть ли не сто двадцать эпизодовъ о Лермантовѣ и Гоголѣ»¹¹¹.

«...Бѣлинскій имѣлъ успѣхъ. Старшіе литераторы его не читали, пренебрегали возражать ему, а молодежь его слушала, молодежь, которой всегда бываетъ пріятно, по свойству человѣческой природы, всякое отрицаніе, сомнѣніе, возраженіе, слушала, читала и приняла его мысли. Разнощики чужихъ сужденій и вѣстей, Компилаторы, и Историки Русской Словесности, не только повторяли его мнѣнія, но даже внесли ихъ въ учебники» (С. 44–45).

«Успѣхъ Бѣлинскаго служить по моему мнѣнію во-первыхъ урокомъ для журналистовъ не пренебрегать никакимъ явленіемъ литературнымъ, какъ бы сначала ни было оно маловажно и ничтожно, а во вторыхъ доказательствомъ слабости нашего образованія. Если Бѣлинскій съ такими бѣдными свѣдѣніями, съ такимъ ограниченнымъ горизонтомъ, съ такимъ тѣснымъ кругомъ понятій, могъ успѣть, то его почитатели, значитъ, были еще слабѣе его, а о поклонникахъ и говорить нечего!» (С. 45).

Но, реферируя — и реферируя въ непріязненномъ ключѣ — мысли Бѣлинскаго, остроумно подмѣчая безконечныя повторенія критика и тонко называя его прозу во всей ея совокупности «докучной сказкой», касательно Сумарокова — Хераскова — Богдановича Погодинъ не высказываетъ своей позиціи, не беретъ прямо опальныхъ поэтовъ подъ защиту. Такимъ образомъ его оцѣнка Хераскова остается непроясненной. Впрочемъ, за одну только публикацію анекдотовъ о поэтѣ он получил выговор от критика Александра Васильевича Дружинина¹¹²:

Въ февральской книжкѣ «Москвитянина» помѣщена статья подъ названіемъ: «Нѣкоторыя черты изъ жизни М. М. Хераскова»; къ статьѣ присоединена выноска господина М. П., объявляющая, что предлагаемая читателямъ статья полна драгоценныхъ подробностей. Дѣйствительно, литературная дѣятельность автора «Россіады», писателя трудолюбиваго и преданнаго отечественной словесности по мѣрѣ своихъ силъ, могла бы послужить предлогомъ для этюда весьма интереснаго: мы такъ мало знаемъ закулисную исторію старой нашей литературы, намъ было бы такъ пріятно прослѣдить за изложеніемъ трудовъ челоука, котораго читали, хвалили и цѣнили въ свое время! Къ сожалѣнію, въ статьѣ «Москвитянина» нѣтъ ровно ничего касающагося до словесности временъ Хераскова или трудовъ автора «Кадма и Гармоніи»; она вся состоитъ изъ нѣкоторыхъ анекдотическихъ свѣдѣній о покойномъ поэтѣ, и свѣдѣній, которыя напечатаны совершенно напрасно. <...> Изъ всѣхъ занятій и привычекъ Хераскова въ статьѣ собраны всѣ занятія и привычки, имѣющія колоритъ въ высшей степени эксцентрической. <...> Всѣ эти странныя подробности были бы не лишними въ полномъ жизнеописаніи Суворова, пожалуй Крылова или Державина; но Херасковъ далеко не такъ великъ, чтобъ малѣйшее свѣдѣніе о его частной жизни стоило напечатанія и названія «Драгоценнаго матеріала для русской исторіи».

Къ финальному этапу жизни и творчества Бѣлинскаго относится выходъ въ свѣтъ «Очерка исторіи русской поэзіи» прогрессивнаго автора Александра Петровича Милюкова

¹¹¹ Москвитянинъ, 1848, ч. IV, № 8. Критика, с. 43. Статья подписана: М. Погодинъ. Ср. Н. Барсуковъ, Книга девятая, 1895, с. 347.

¹¹² Письма иногородняго подписчика о русской журналистикѣ. Письмо XIII. Современникъ, 1850, мартъ. Въ другомъ мѣстѣ: «Любовь къ простотѣ и ненависть къ громкимъ фразамъ — это драгоценное достоинство, врожденное русскому челоуку, начинали проявляться довольно замѣтно. По книгамъ мы этого не увидимъ <...> мнѣ случалось говорить съ старичками, которые признавались, что Сумарокова и Хераскова самые любители читали очень лѣниво» (Письмо X. Современникъ, 1849, декабрь). «Херасковъ, авторъ „Россіады“ и „Владиміра“, очень живо очеркнутый г. Дмитріевымъ, представляетъ намъ лицо не очень привлекательное. То былъ угрюмый и самолюбивый педантъ, смотрѣвшій на искусство какъ-то печально и сумрачно, работавшій педантически, съ усиліемъ, непрерывно помогавшій своему воображенію посредствомъ мысли и внѣ Лагарпа не выдавшій спасенія искусству. Въ литературѣ всѣхъ народовъ есть много Атлантовъ, носящихъ на своихъ сплныхъ плечахъ по щепкѣ. Херасковъ принадлежалъ къ разряду этихъ богатырей». Письмо XXXV. Январь 1854 г.

— произведенія не слишкомъ авторитетнаго, но популярнаго. Въ этомъ очеркѣ творчеству Хераскова отведенъ веселый и ироничный пассажъ¹¹³:

«Вы знаете, что у Гомера и Виргилия есть кораблекрушеніе, и жалѣете, что лишены будете этого зрѣлища въ Россіядѣ за неимѣніемъ моря, но вы ошибетесь: пѣтъ описываетъ кораблекрушеніе на Волгѣ, передъ которымъ одиссеево и энеево не значатъ ничего. <...>

Словомъ, вся поэма есть ничто-иное какъ жалкое подражаніе Освобожденному Іерусалиму, съ примѣсью Одиссеи, Энеиды, Божественной Комедіи и Генріады. Изъ всего этого Херасковъ составилъ такое tutti frutti, которое ни съ чѣмъ не сравнится по оригинальности безсмыслицы!...

Другая поэма Хераскова еще огромнѣе и такъ же нелѣпа, какъ первая».

Вопросы репутаціи сказались и на научномъ поискѣ: Яковъ Карловичъ Гротъ, публикуя въ собраніи сочиненій Державина «На рожденіе въ Сѣверѣ Порфиророднаго отрока»¹¹⁴ съ пространномъ комментариемъ, не обратилъ вниманія на тотъ фактъ, что въ одной изъ его строкъ —

Но послѣдній, добродѣтель
Зараждаючи въ немъ, рекъ:
«Будь страстей твоихъ владѣтель,
Будь на тронѣ челоуѣкъ!» (с. 84),

используется выраженіе, дважды до того встрѣчающееся у Хераскова, и одинъ разъ — тѣмъ же четырехстопнымъ хореемъ, что и у Хераскова:

Ты который добродѣтель
Съ непорочною храниль,
И страстей своихъ владѣтель
Въ безпритворной славѣ былъ,
Что, скажи, тебя смущаетъ?¹¹⁵
...Чтобы любезну добродѣтель
Во всей вселенной возтрубилъ;
И ставъ страстей своихъ владѣтель,
Пороки гналъ, а честь любилъ¹¹⁶...

Учитывая таланты, добросовѣстность и эрудицію Я. К. Грота, этому пропуску (онъ относится къ хрестоматійнымъ стихамъ и потому бросается въ глаза, но возможны и другіе) можно найти только одно рациональное объясненіе: Гротъ использовать сложившуюся таблицу орангахъ, не задумываясь о ее относительно недавнемъ характерѣ, и ему и въ голову не приходило, что могла быть другая и что, слѣдовательно, Державинъ могъ заимствовать у Хераскова и эти заимствованія комментаторъ первого долженъ искать.

¹¹³ Очеркъ исторіи русской поэзіи А. Милюкова. СПб., Въ типографіи военно-учебныхъ заведеній. 1847. С. 94–95. Рецензія В. Водовозова на второе изданіе (1858 г.) констатируетъ: «Книга г. Милюкова до сихъ поръ остается единственнымъ опытомъ историческаго обозрѣнія всей нашей поэзіи, и, хотя не назначалась авторомъ въ руководство учащимся, она служила для многихъ пособіемъ при преподаваніи русской литературы» (Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія. Іюль 1860. Часть CVIII. Отдѣлъ III, с. 147).

¹¹⁴ Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Томъ первый... Стихотворенія, часть I. СПб., въ типографіи Императорской Академіи Наукъ. 1864. Сс. 81–86.

¹¹⁵ ОДА Къ господину В.*** — Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія, Іюль, 1755 года. Въ Санктпетербургѣ при Иператорской Академіи наукъ. С. 162.

¹¹⁶ Ода XXII. Разумъ. — Философическія оды или пѣсни Михайла Хераскова. Печатаны при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 1769 года. С. 46.

VI. Несостоявшееся воскресение

Оцѣнки и репутації, сформірованнныя прозаической эпохой русской словесности, хорошо видны — во всемъ ихъ діапазонѣ — въ научной и учебной литературѣ рубежа XIX–XX столѣтій. Теплѣ другихъ образъ Хераскова намѣчаетъ Василій Васильевичъ Сиповскій. Въ «Исторіи русской словесности»¹¹⁷ онъ уклоняется отъ прямой оцѣнки его творчества (которая по условіямъ времени могла быть только отрицательной), нигдѣ не пишетъ о скудости дарованій Хераскова и разсыпаетъ по тексту сочувственныя реплики (напр., «всѣ его оды написаны тепло и прочувствованно», с. 104; Херасковъ былъ «счастливецъ», чѣмъ Ломоносовъ и Тредіаковскій съ попытками воспѣть Петра I (с. 107). Петръ Николаевичъ Полевой (сынъ извѣстнаго намъ Н. А.) строже: «Херасковъ и Княжнинъ, въ цвѣтѣ силъ и возраста, продолжали идти тою же избитою тропой псевдо-классицизма, создавая свои громадныя, объемистыя и тяжелыя произведенія эпическія и драматическія по всѣмъ правиламъ теоріи Буало и Баттѣ», а его эпосы — «первые сносные образцы эпического рода на нашей литературной почвѣ»¹¹⁸. ***, авторъ предисловія къ послѣднему извѣстному намъ отдѣльному изданію «Россиады», суровѣе: «Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ, главному произведенію котораго посвященъ этотъ выпускъ, является представителемъ искусственнаго эпоса въ русской литературѣ, и каково бы ни было впечатлѣніе, производимое чтеніемъ „Россиады“ на современнаго читателя, поэма эта не можетъ быть пропущена при изученіи нашей литературы. Человѣкъ небольшого поэтического дарованія, Херасковъ отличался просвѣщеннымъ умомъ, благороднымъ характеромъ и глубокими симпатіями къ литературѣ и наукѣ...»¹¹⁹. Извѣстная хрестоматія Александра Даниловича Алферова и Алексѣя Евгеньевича Грузинскаго — самое авторитетное пособіе по русскому XVIII вѣку — характеризуетъ его какъ писателя «посредственнаго таланта», который, однако же, «имѣлъ въ XVIII вѣкѣ очень высокую репутацію»¹²⁰. Неудивительно, что на школьный уровень эти оцѣнки попадаютъ въ наиболѣе жесткомъ вариантѣ: какъ считаетъ шести-классникъ Н. Карпека, авторъ случайно попавшаго къ намъ въ руки печатнаго реферата, «поэма русскаго ложно-классика Хераскова — „Россиада“ не настолько замѣчательна, чтобы на ней особенно долго останавливаться»¹²¹... Но эти оцѣнки подверглись пересмотру на рубежѣ XIX–XX в., когда передовыя позиціи въ литературѣ были вновь захвачены поэзіей. вмѣстѣ съ Тютчевымъ и Баратынскимъ могъ рассчитывать на своеобразную «реабилитацію» и Херасковъ. И шансъ такой у него былъ, поскольку онъ обрѣлъ квали-

¹¹⁷ Часть II. (Исторія литературы съ эпохи Петра В. до Пушкина). Примѣнительно къ Исторической Хрестоматіи т. II, вып. 1, 2, 3. Изданіе седьмое. Пг., 1917. С. 103–113.

¹¹⁸ Исторія русской словесности съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Въ трехъ томахъ. СПб., изд. А. Ф. Маркса. 1900. Томъ второй, с. 28, 32.

¹¹⁹ М. М. Херасковъ. Россиада. Поэма въ XII пѣсняхъ. Полный текстъ поэмы. — Объяснительныя статьи. Изданіе И. Глазунова. СПб., 1895. С. I (Русская классная бібліотека, издаваемая подъ редакцію А. Н. Чудинова. Пособіе при изученіи русской литературы. Выпускъ XX-й.).

¹²⁰ А. Алферовъ и А. Грузинскій. Русская литература XVIII вѣка. Хрестоматія. Изданіе восьмое, исправленное. Въ первомъ изданіи допущена Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. Складъ изд. въ книгоиздательствѣ «Школа». Москва. 1918 С. 268 (= ¹1907, М., Изд. фирмы «Сотрудникъ школ», с. 274).

¹²¹ Къ исторіи ложнаго классицизма въ Россіи. По урокамъ преподавателя Д. Н. Ревуцкаго совтавилъ Н. Карпека, уч. 6-го кл. Кіевской гимназіи В. П. Науменко. (На правахъ рукописи). Кіевъ, 1911. С. 43. Безусловно, самъ по себѣ этотъ текстъ ничего не доказываетъ — мы его используемъ только какъ иллюстрацію. Хотѣлось бы располагать таковыми въ большемъ количествѣ; но иллюстраціями въ противоположномъ духѣ мы не располагаемъ вовсе.

фицированного и влиятельного читателя, способного — в большей степени, чѣмъ кто бы то ни было другой — заставить общество пересмотрѣть устарѣвшіе взгляды. Читателемъ этимъ былъ Валерій Яковлевичъ Брюсовъ. О его интересѣ къ творчеству автора «Россіады» свидѣтельствуется, въ частности, Иванъ Никаноровичъ Розановъ. Онъ описываетъ прогулку втроемъ, съ участіемъ Юлія Исаевича Айхенвальда:

«„И какъ разъ нѣтъ у Венгерова самага лучшаго, — продолжалъ кончающій студентъ (В. Я. Брюсовъ — А. Л.). — Напримѣръ, отсутствуютъ притчи Хераскова, а это его самыя цѣнныя произведенія. Херасковъ вообще былъ замѣчательнымъ писателемъ, а у насъ его совсѣмъ не цѣнятъ и не знаютъ“. Штатскій (Ю. Айхенвальдъ — А. Л.) опять поддержалъ его: „Хераскова я мало знаю, но дѣйствительно мы часто не умѣемъ хранить нашихъ культурныхъ цѣнностей“. <...> „А какія хорошія риѣмы были у Хераскова, — не унимался Брюсовъ, — у него обычно риѣмуются и согласные, находящіеся подъ удареніемъ“. Полгода тому назадъ Брюсовъ дѣлалъ докладъ о „лѣвизнѣ риѣмъ у Пушкина“ <...>. Кто-то изъ его оппонентовъ пренебрежительно отозвался о Херасковѣ. „Вы ошибаетесь, — отвѣчалъ Валерій Яковлевичъ, какъ разъ у Хераскова-то риѣмы обычно бываютъ звучныя: онъ обращалъ вниманіе и на предшествующіе согласные“»¹²².

Когда Розановъ дарилъ Брюсову книгу о русской лирикѣ, тотъ отреагировалъ на главу о Херасковѣ: «Надо, надо говорить о немъ. Очень интересный писатель и совершенно неоцѣненный»¹²³. По-видимому, у Брюсова могли быть намѣренія во всеоружіи значительныхъ знаній, авторитета и пониманія сути проблемы возстановить репутацію Хераскова. Объ этомъ свидѣтельствуется статья, входящая въ комплексъ подготовительныхъ матеріаловъ для исторіи русской поэзіи. Мы приведемъ извлеченія изъ нея, касающіяся оцѣнки¹²⁴.

Л. 2¹²⁵. «[Херасковъ и Державинъ, два поэта времени Екатерины, которыхъ современники особенно цѣнили, по характеру своей поэзіи въ значительной степени противоположны другъ другу.

Державинъ — самородокъ, почти лишенный обработки, это талантъ громадный, самобытный, но какой то хаотическій, неустроенный (? — А. Л.), онъ — по выраженію Пушкина — не выдерживаетъ не только оды, но и даже строфы. Державинъ — это порывъ, мощь, стихійная сила, но ему недостаетъ ~~знаній, въ~~ ~~(безъ ера — А. Л.) образованности, даже простого ученія~~ воспитанія и просто знаній.

Напротивъ, Херасковъ — это триумфъ искусства, торжество умѣнія, мысли, сознательности. Небольшой талантъ, кымъ надѣлила его природа, онъ взлѣлѣялъ, выхолилъ, обработалъ. Онъ извлекъ изъ своего дара все, что можно было извлечь и умѣло пользовался (2 об.) разными его сторонами, сохранивъ до старости способность быть новымъ, не повторяться Херасковъ ~~былъ мастеромъ своего искусства, виртуозомъ въ былъ талантливымъ дѣлателемъ стиховъ — вотъ его опредѣленіе~~¹²⁶ былъ мастеромъ своего искусства, талантливымъ дѣлателемъ стиховъ, первымъ, поставившимъ форму стиха на то мѣсто, которое она заслуживаетъ]¹²⁷.

Это. Россіада.

Херасковъ съ юныхъ лѣтъ посвятилъ себя музамъ и до конца жизни остался вѣренъ этому служенію. Двѣнадцатилѣтнимъ кадетомъ задумалъ онъ Россіаду, и семидесяти-четырехъ-лѣтнимъ стари-

¹²² Встрѣчи съ Брюсовымъ — Литературныя репутаціи... М., 1990. С. 422–423.

¹²³ Ibid. С. 430.

¹²⁴ Научно-ислѣдовательскій Отдѣлъ рукописей РГБ. Фондъ 386. В. Я. Брюсовъ. Картонъ 41. Ед. хр. 13. «Исторія русской лирики» — матеріалы къ работѣ о Херасковѣ [конецъ 1890-хъ гг.]. Л. 10–11 посвящены риѣмамъ. Ихъ Брюсовъ относилъ къ особому изслѣдованію о риѣмѣ.

¹²⁵ Весь пассажъ, взятый нами въ квадратныя скобки, въ рукописи зачеркнутъ.

¹²⁶ Прим. В. Я. Брюсова: «Противоположность Д. и Х. довольно ярко выразилась въ двухъ сходныхъ одахъ этихъ поэтовъ — въ одѣ Богъ Державина и въ одѣ Къ Богу Хераскова. Замѣчу кстати, что ода Хераскова была написана раньше Державинской. Она напечатана въ первый разъ въ 1778 г., а ода Держ. начата имъ въ 1780 г., а напечатана въ 1784 г. Слѣдовательно ошибаются тѣ, кто называетъ оду Хераскова «явнымъ подражаніемъ» Д-у». Въ дальнѣйшемъ, опуская его примѣчанія, мы этого специально не оговариваемъ.

¹²⁷ Въ концѣ отрывка Брюсовъ даетъ еще одинъ знакъ для вышеприведеннаго примѣчанія.

комъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины, <нрзб., нѣсколько зачеркнутыхъ буквъ> писалъ свою послѣднюю трагедію, увѣнчанную Академіей уже послѣ смерти автора. Жить — значило для Хераскова творить. Херасковъ онъ (л. 3) Жить для Хераскова значило наслаждаться поэзіей. Онъ прежде всего былъ художникомъ и это сказывается во всѣхъ чертахъ его характера во всѣхъ его поступкахъ. <...>

Произведениямъ своимъ Поэзіи Херасковъ отдавался всей душой. Сочиняя онъ такъ забывался, что разговаривалъ самъ съ собой; надъ каждымъ произведеніемъ трудился долго и внимательно, отдѣлывая каждый стихъ; новое издание его сочиненія иногда являлось у него ~~иногда~~ новымъ произведеніемъ; при этомъ онъ лишенъ былъ излишняго самомнѣнія, много не хотѣлъ перепечатывать и собраніе его «Твореній», изданное въ концѣ жизни, не включаетъ и половины написаннаго имъ (прим.). Всю жизнь Херасковъ не уставалъ перечитывать великія созданія другихъ литературъ; зная языки онъ близко ознакомился съ Гомеромъ и съ Вергиліемъ, и съ Виландомъ и съ ~~Вольтеромъ~~ Расиномъ; (л. 4) не чужды остались ему и Англійскіе и итальянскіе поэты; въ его произведеніяхъ виднѣ ~~слѣды знакомства съ~~ что не чужды остались ему и Дантэ, и ~~съ~~ Мильтономъ и Тассо; вообще, громадная начитанность Хераскова почти удивляетъ при чтеніи его поэмъ и романовъ. Знакомство съ этими корифеями литературъ развило его тонкій вкусъ. Несомнѣнно, что Херасковъ обладалъ тонкимъ литературнымъ вкусомъ. Онъ высоко ставилъ Державина, столь противоположнаго ему по свойствамъ таланта, и радостно привѣтствовалъ новое литературное поколѣніе, шедшее на смѣну его самого и его друзей. Въ кругу писателей такъ высоко ставили сужденіе Хераскова, что рѣдкій изъ нихъ не обращался къ нему за совѣтомъ въ своихъ литературныхъ трудахъ. Есть извѣстіе, что Державинъ «ни одного сочиненія своего не издавалъ въ свѣтъ, не прочитавши его напередъ Хераскову и не спрося объ ономъ его мнѣнія».

Сочиненія Хераскова не имѣютъ самостоятельнаго значенія, но они сыграли важную роль въ исторіи литературы. Херасковъ далъ примѣръ, какъ подчинять вдохно-(л. 4 об.)веніе разсудку.

... Талантъ Хераскова главн. образомъ повѣствовательный, нѣкоторыя изъ его картинъ достигаютъ высокой пластичности. ...

Л. 6. Херасковъ владѣлъ ~~ети~~ русскимъ стихомъ какъ немногіе до Пушкина. Строфы Хераскова закончены, округлы, цѣльны.

...
Благодаря так. версификаторск. таланту Хер.^у особенно удавались переложенія, т. е. произведенія, гдѣ содержаніе уже дано... (объ). О Херасковѣ сложилось мнѣніе, какъ объ «утрюмомъ педантѣ, внѣ Лагарпа не видѣвшемъ спасенія». Но — то-то и то-то. Въ значительной мѣрѣ такой взглядъ зависитъ отъ того, что въ Х. видятъ только автора Россіады, забывая его другія произведенія. Между тѣмъ характеръ ихъ весьма разнообразенъ.

Такъ, есть у Хер. маленькая поэмка «Пилигримы», кую можно назвать сестрою Душеньки и предшественницей «Руслана и Людмилы». «Пилигримы» — шутовское описаніе приключеній на пути въ Храмъ Счастія. Х. поминутно прерываетъ свой разсказъ, сравниваетъ положеніе своихъ героевъ съ событіями въ другихъ поэмахъ и романахъ, дѣлаетъ лирическія отступленія, подсмѣивается надъ чудесами своей фантазіи... <...>

Л. 7 об. Современники зачитывались Россіадой и тому, кто про въ (безъ ера — А. Л.) самъ прочелъ ее, это вполнѣ понятно (?). По сюжету Россіада занимательна не менѣ Освобожд. Иерусал<има>, а въ тѣ времена романа, въ той ф. <ормѣ? — А. Л.> какъ мы его знаемъ, у насъ еще не существовало. Упрекаютъ Россіаду въ томъ, что она произведеніе подражательное. Но таковъ и былъ замыселъ автора — онъ хотѣлъ собрать въ своемъ твореніи лучшія сцены всѣхъ прославленныхъ (? — А. Л.) эпопей. Россіада подражательна ровно настолько, какъ и Энеида. Во Владимірѣ Хер. показалъ, что онъ умѣетъ и быть оригинальнымъ. Вообще эта вторая поэма выше и глубже по содержанію, красивѣе и совершеннѣе (л. 8) по формѣ. Она относится къ Россіадѣ какъ зрѣлость таланта къ первому опыту.

Строгий судъ надъ Россіадой, м. б., объясняется тѣмъ, что первыя ея двѣ пѣсни слабѣе остальныхъ. Зато третья едва ли не лучшая изъ всѣхъ. <...>

Л. 8 об. Особенно хороши два мѣста въ III п.

Главнаго Брюсовъ не произноситъ — оцѣнка таланта Хераскова высказана у него въ духѣ академическаго позитивизма тогдашней эпохи. Но въ статьѣ — наряду съ этимъ, конвенціональнымъ мотивомъ — присутствуетъ, по-видимому, другой, личный.

Сопоставленіе Хераскова и Державина у Брюсова напоминаетъ то, что будутъ писать о немъ, сравнивая его съ Бальмонтомъ. До «Грядущихъ гунновъ» пока далеко, до

положенія мэтра и патріарха — еще дальше, но вниманіе къ новизнѣ и стремленіе понять и привѣтствовать ее — то, что будетъ характерно для Брюсова на протяженіи всей его жизни. Чувствовалъ ли онъ — предвосхищая въ очеркѣ поэзіи Хераскова черты собственнаго творческаго облика — глубокое внутреннее родство съ поэтомъ, о которомъ писалъ? Намъ кажется, для такихъ предположеній есть опредѣленные основанія. Тѣмъ не менѣе эти мысли не стали достояніемъ широкой публики и не оказали никакого вліянія на репутацію Хераскова — въ обстоятельствахъ, которыя были благопріятны для ея пересмотра. Пореволюціонный періодъ не внесъ въ ситуацію принципиальныхъ измѣненій — и мы его не рассматриваемъ. Единственное, что можно сказать, — поскольку Херасковъ не переиздается, доступность его текстовъ уменьшается, и знакомство съ нимъ все болѣе и болѣе ограничивается кругами филологовъ-профессіоналовъ¹²⁸.

* * *

Теперь намъ нужно вернуться къ исходной точкѣ. Мы разсмотрѣли факторы, которые вліяли и могли вліять на посмертную судьбу Хераскова; эти факторы — общественное мнѣніе, критика, школа. Мы пришли къ выводу (расходящемуся съ выводами И. Н. Розанова), согласно которому критика не въ состояніи оказывать самостоятельнаго вліянія на литературную репутацію: она сильна лишь тогда, когда ея слово падаетъ на подготовленную почву, когда она говоритъ публикѣ то, что та желаетъ услышать и, слѣдовательно, уже думаетъ — до всякой критики. Къ этому нужно добавить еще одно обстоятельство. Литературная репутація — явленіе не одного дня и не одного десятилѣтія; въ ней нѣтъ гарантій и закрытыхъ зонъ. Даже кумиры столѣтій — Гомеръ, Вергилій, Данте — могутъ подвергаться нещаднымъ нападкамъ и выпасть изъ плодотворнаго читательскаго опыта цѣлыхъ эпохъ. А потому любой успѣхъ критики можно рассматривать какъ временный: все доступно пересмотру; такъ, несмотря на весь авторитетъ Буало, Сентъ-Бёву удалось во многомъ возстановить репутацію поэтовъ «Плеяды». Мы говорили уже о томъ, какъ мало удалось Мерзлякову; но не больше — и Бѣлинскому. Всѣ предметы его оцѣнокъ въ нашемъ распоряженіи; всѣ его оцѣнки доступны пересмотру. И если мы сдѣлали это съ Баратынскимъ и не сдѣлали съ Бенедиктовымъ, то только потому, что, на нашъ сегодняшній вкусъ, съ Баратынскимъ Бѣлинскій ошибся, а съ Бенедиктовымъ — былъ правъ; основополагающимъ факторомъ современной репутаціи этихъ поэтовъ ужъ во всякомъ случаѣ является не авторитетное сужденіе критика. Важно и то, что въ заочномъ спорѣ условнаго «Буало» и столь же условнаго «Сентъ-Бёва» предпочтительные шансы на сторонѣ послѣдняго: возстановить репутацію легче, и достигнутый результатъ оказывается прочнѣе — въ томъ числѣ и за счетъ того фактора, что человѣческому сознанію — по крайней мѣрѣ въ отдаленной перспективѣ и примѣнительно къ сѣдой древности — пріятна мысль о наличіи въ національной сокровищницѣ дополнительнаго золотого запаса, хотя бы онъ утратилъ всякую актуальность и къ нему обращались одни эстеты. Мы не

¹²⁸ Экземпляръ третьяго изданія «Россіады», принадлежащій автору этихъ строкъ и пріобрѣтенный на аукціонѣ «Литературной газеты», былъ когда-то собственностью поэта Сергѣя Сергѣевича Наровчатова. Такъ со ссылкой на прежнихъ владѣльцевъ было мнѣ сказано распорядителемъ аукціона; документальнымъ подтвержденіемъ этого факта я не располагаю, но онъ не представляется совсѣмъ ужъ невѣроятнымъ. Экземпляръ имѣетъ многочисленныя помѣты, свидѣтельствующія о вниманіи къ формальнымъ аспектамъ версификаціи.

разбирали подробно проблематику «Херасковъ въ школѣ», поскольку для этого у насъ недостаточно матеріаловъ; однако то, что нѣкоторое время онъ былъ школьнымъ авторомъ, не спасло его, какъ позднѣе не спасло — *mutatis mutandis* — писательскій авторитетъ Николая Гавриловича Чернышевскаго; какъ не спасло еще тогда всю старую русскую литературу, которая утратила (почти полностью и, кажется, окончательно) свой школьный статусъ.

Глубоко ложнымъ представляется намъ еще одинъ тезисъ И. Н. Розанова, а именно слѣдующій: «Закономѣрность въ литературныхъ движеніяхъ гораздо болѣе обуславливается отталкиваніемъ, чѣмъ притяженіемъ. Важно то, что здѣсь мы не выходимъ за предѣлы родной литературы. Отталкиваться отъ литературныхъ явленій на чужихъ языкахъ не имѣло бы ни малѣйшаго смысла. Можно бороться лишь съ ихъ отображеніемъ въ родной литературѣ. Русскій символизмъ въ его главныхъ чертахъ непремѣнно возникъ бы и безъ вліяній Бодлера и Верлена»¹²⁹, etc. Какъ разъ Херасковъ сталъ жертвой общеевропейскаго процесса, который привелъ къ переоцѣнкѣ многихъ литературныхъ традицій — Римъ и Франція утратили прежнее вліяніе, Англія и Германія его приобрѣли; соответственно шла переоцѣнка и своего, домашняго. Равнымъ образомъ лишь локальную эвристическую цѣнность можно признать за версіей отталкиванія; она исходитъ изъ послѣдовательной смѣны школъ, а въ жизни многое разворачивается параллельно, да и, кромѣ того, самъ темпъ измѣненій въ эпоху до катастрофы рубежа XVIII–XIX вѣковъ былъ значительно меньше. Здѣсь мы подходимъ къ понятію, которое, по-видимому, является для насъ ключевымъ, — «непосредственного воспріятія». Въ силу его статуса мы не даемъ ему опредѣленія, хотя предпримемъ попытку указать рядъ свойствъ; и сразу оговоримся, что литературная репутация высокаго уровня складывается тогда, когда непосредственное воспріятіе перестаетъ быть рѣшающимъ факторомъ, — Мильтону, напр., не мѣшаетъ считаться великимъ поэтомъ то обстоятельство, что его никто не читаетъ и что его въ принципѣ невозможно читать. Можно утверждать, что настоящая литературная слава, — единодушное высокое мнѣніе не читавшихъ¹³⁰.

Для того чтобы непосредственное воспріятіе стало факторомъ литературной славы, оно должно быть массовымъ; желательно, чтобъ оно принадлежало поколѣнію, успѣшному въ продвиженіи своихъ эстетическихъ пристрастій (Хераскову въ этомъ отношеніи не повезло: цѣнившее его поколѣніе Муравьева (1757–1807), Дмитріева (1760–1837) и Шаликова (1768–1852) оказалось аутсайдеромъ въ литературѣ, а поколѣніе Батюшкова (1787–1855), Вяземскаго (1792–1878) и Пушкина (1799–1837; во всѣхъ случаяхъ для насъ важна первая дата), которому принадлежало лидерство и которое смогло оказать рѣшающее вліяніе на литературные вкусы послѣдующаго, обладало уже совсѣмъ другими эстетическими установками. (Отмѣтимъ, впрочемъ, и тотъ фактъ, что братья Полевые принадлежали къ пушкинскому поколѣнію; но непріятіе Хераскова у нихъ вторичное, «эстетико-идеологическое», поскольку на ранніе ихъ вкусы оказывала воздѣйствіе совершенно другая, консервативная языковая среда; разсужденіе о «поколѣніяхъ» невозможно безъ

¹²⁹ Ритмъ эпохъ. — Литературныя репутации, 1990. С. 20.

¹³⁰ Надъ «не читалъ, но скажу» смѣяться не стоитъ: это естественная защитная реакція индивидуума, желающаго сохранить инициативу передъ лицомъ подавляющей массы печатной продукціи. Для того чтобъ выбирать, предварительное мнѣніе должно быть составлено прежде чтенія; и, безусловно, имѣть четкую стратегію въ данномъ вопросѣ — выигрышный ходъ.

очень существенныхъ оговорокъ.) Но въ непосредственномъ воспріятіи по самому его характеру не можетъ быть единства: при всей художественной убѣдительности Гоголя (какъ для его современниковъ, такъ и для насъ) она не играла никакой роли для Николая Полеваго, у котораго вызывало отвращеніе (вполнѣ искреннее, безъ «тактики») то, чѣмъ восхищалась молодежь; Іосифъ Александровичъ Бродскій несомнѣнно пользуется репутацией лучшаго рускоязычнаго поэта второй половины XX столѣтія, однако и пишущій эти строки, и многіе лично знакомые ему просвѣщенные люди отказываютъ ему вовсе въ поэтическомъ дарованіи. Ю. А. Айхенвальдъ писалъ когда-то въ эссе о Бѣлинскомъ: «Придя къ безотраднымъ выводамъ о знаменитомъ критикѣ, я не могъ не спросить себя, почему же онъ знаменитъ, нѣтъ вѣдь дыма безъ огня. И вотъ здѣсь, въ своемъ отвѣтѣ, я былъ неправъ: въ области духовныхъ явленій бываетъ и безъ огня дымъ и не всегда слава заслужена...»¹³¹. Если мы добавимъ, что бываетъ и огонь безъ дыма, нашъ анализъ охватитъ всѣ наличныя возможности. По-видимому, ситуація въ современномъ мірѣ (когда традицій, на которыя могли бы опираться и писатель, и читатель, достаточно много) гораздо сложнѣе, нежели въ не такомъ отдаленномъ XIX столѣтіи съ его параллельнымъ существованіемъ мейнстрима, традиціи уходящей и традиціи восходящей; можетъ ли въ отсутствіе мейнстрима вообще сформироваться крупная литературная репутация — вопросъ, на который должны дать отвѣтъ ближайшія десятилѣтія. Съ увѣренностью можно утверждать, что это будетъ много сложнѣе.

Но литературная репутация — то, что можно изучать только на большихъ хронологическихъ промежуткахъ. Такимъ образомъ само по себѣ непосредственное воспріятіе будетъ несомнѣнно двойнымъ: оно чрезвычайно разное у современниковъ, для которыхъ языковой фонъ тождественъ авторскому, и для всѣхъ остальныхъ — начиная съ потомства и заканчивая иностранцами, которые могутъ читать произведеніе либо въ переводѣ, либо на языкѣ, который не является для нихъ роднымъ. Для перваго случая возможны два подхода — можно мысленно сдѣлать поправку на привнесенное переводомъ искаженіе и предположить, что въ оригиналѣ данное произведеніе — шедевръ, но читателю приходится довольствоваться плохой копіей съ божественнаго оригинала (это путь огромнаго большинства), либо оцѣнивать оригиналъ, абстрагируясь отъ искажающаго фактора. (Филологія не можетъ забыть, что произведеніе литературы — это произведеніе искусства слова; но для большинства читателей этотъ фактъ далеко не очевиденъ.) Такимъ образомъ международная репутация становится болѣе устойчивой: дѣйствіе тѣхъ факторовъ, которые могли бы разрушить обаяніе въ своей языковой средѣ, демпфируется читательскимъ «смирненіемъ», готовымъ въ воображеніи дорисовать то, чего не воспроизводитъ копія.

Безусловно, трудно заслужить устойчивую репутацию, не сумѣвъ «очаровать» хотя бы одно читательское поколѣніе. Лежащій на днѣ корабль долженъ выбросить на поверхность нѣсколько предметовъ, свидѣтельствующихъ о его пребываніи тамъ, — иначе оно просто не будетъ никѣмъ обнаружено. Но для того, чтобы искусство слова могло оказать свое обаятельное воздѣйствіе, не только желательна, но даже и необходима образованная публика; если древніе не сомнѣвались, что были поэты и до Гомера, мы можемъ къ этому прибавить, что у этихъ догомеровскихъ поэтовъ была своя, догомеровская аудитория. Поэтому условному «Невію» въ перспективѣ вѣковъ сложнѣе, чѣмъ «Эннію», а «Эннію» — чѣмъ Вергилію (положеніе «Эннія» осложняется тѣмъ, что «Вергилій» пришелъ или мо-

¹³¹ Споръ о Бѣлинскомъ. — Силуэты русскихъ писателей. М., «Республика», 1994. С. 589.

жетъ прійти); но у писателя появляется дополнительный шанс, когда въ моду входятъ архаическіе вкусы. И вотъ тутъ-то положеніе въ начальной точкѣ предпочтительнѣй, чѣмъ въ серединѣ; когда будетъ написана полная исторія русскаго литературнаго языка, станетъ ясно, насколько многимъ «школа гармонической точности» обязана Хераскову и насколько сильнѣе въ пушкинской эпохѣ вліяніе его языковыхъ установокъ, нежели, скажемъ, ломоносовскихъ и державинскихъ; именно это обстоятельство, когда къ поэзіи XVIII вѣка обращаются въ поискахъ «непохожаго», усиливаетъ позицію Державина, Ломоносова, Тредьяковскаго, но не Хераскова. Здѣсь идеальнымъ аналогомъ является литературная судьба Луцилія: «Луцилій сознательно усваиваетъ строгій формальный идеалъ и пишетъ простой, благородной рѣчью; Варронъ воспринимаетъ его какъ представителя *gracilitas*, „утонченности“. Возраженіе Горація — сатиры Луцилія напоминаютъ „мутный потокъ“ — неосновательно, поскольку писатель эпохи Августа позднѣе пересматриваетъ это контекстно обусловленное сужденіе и признаетъ, что для своего времени Луцилій могъ вполне считаться тонко образованнымъ (*doctus*) и не чуждымъ столичнаго лоска (*urbanus*), болѣе умѣлымъ, чѣмъ всѣ предшественники (*sat.* 1, 10, 64–71). Здесь мы сталкиваемся со смѣщеніемъ по фазѣ, столь усложняющимъ для насъ сужденіе о древней римской поэзіи. Наблюдатель, отталкивающийся отъ Горація, видитъ архаизмы Луцилія и оцѣниваетъ ихъ — по своему вкусу — какъ несовершенство или особое преимущество, въ то время какъ перспектива для Луцилія — совершенно обратная. Его манилъ тотъ шагъ впередъ, который ему предстояло сдѣлать въ утонченіи языка и формы. Другіе обогнали его на этомъ пути; и именно поэтому наше зрѣніе здесь должно быть особенно острымъ»¹³².

По-видимому, для посмертной репутаціи весьма полезна жизненная катастрофа. Сегодняшніе литературные вкусы врядъ ли въ состояніи обезпечить Андре Шенье хоть сколько-нибудь замѣтную читательскую аудиторію; но образъ погибшаго на эшафотѣ юноши останется въ памяти потомства прочнѣе, чѣмъ прекрасные, но окончательно вышедшіе изъ моды стихи. Дубинка Артемія Петровича Волынскаго и смерть въ нищетѣ даютъ дополнительное преимущество Тредьяковскому. Добродѣтели Хераскова слишкомъ скучныя и прѣсныя, чтобы помочь его литературной славѣ; для этого больше подходятъ блестящіе пороки. Его же недостаточная стойкость передъ лицомъ самодержавной власти, отреченіе отъ масонства передъ лицомъ угрозы не заточенія въ крѣпости, а всего лишь служебныхъ неприятностей усиливаютъ эффектъ неприятія. Определенную фору получаютъ, по-видимому, и «непризнанный» авторъ, если ему удастся какимъ-либо образомъ привлечь къ себѣ общественное вниманіе; рискъ великъ, но и репутаціонный выигрышъ возможенъ значительный.

Итакъ, «русскій Гомеръ» сумѣлъ понравиться на уровнѣ «непосредственнаго воспріятія» тому поколѣнію, чье мнѣніе въ литературѣ не оказалось рѣшающимъ; поколѣніе же побѣдителей, находящееся подъ вліяніемъ свѣжихъ западноевропейскихъ идей, было менѣе чѣмъ кто-либо расположено его цѣнить; вторичной волны интереса ему не могли обезпечить ни архаичный языкъ (здѣсь было много болѣе удачливыхъ претендентовъ), ни жизненные и творческія невзгоды. Невезеніе Хераскова связано съ литературной революціей, возможно, самой масштабной изъ всѣхъ, доступныхъ нашему

¹³² М. фонъ Альбрехтъ. Исторія римской литературы отъ Андроника до Бозція и ея вліянія на позднѣйшія эпохи. Т. I. М., 2003. С. 293.

наблюденію; полагаемъ, что его творческія установки нисколько не измѣнились бы, если бы онъ это зналъ — полагаемъ, что онъ это предчувствовалъ. Насколько же закономерны причины его репутационной катастрофы, могутъ показать только сравнительныя изслѣдованія.